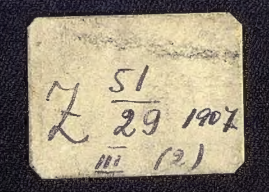

Z 51/29 1907
III (2)

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михаиловича
РУССКІЕ
ПОРТРЕТЫ
XVIII и XIX столѣтій
Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch
PORTRAITS
RUSSES
des XVIIIe et XIXe siècles
III томъ
2 выпускъ
TOME III
FASCICULE 2
1907
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
ST PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

Князь **АДАМЪ-ЮРІЙ АДАМОВИЧЪ ЧАРТОРИЖСКІЙ**, 1770—1861, польскій политическій дѣятель, русскій министръ Иностранныхъ дѣлъ и попечитель Виленскаго учебнаго округа. Среди политическихъ бурь, наполнявшихъ исторію Польши во второй половинѣ XVIII вѣка и приведшихъ къ ея раздѣлу между сосѣдями, отецъ Чарторижскаго, князь Адамъ-Казиміръ, и мать княгиня Изабелла, рожденная Флеммингъ, извѣстная „матка ойчизны", играли не маловажную роль: послѣ смерти короля Августа III, князь Адамъ-Казиміръ былъ даже кандидатомъ на Польскій престолъ, но поступился своими правами въ пользу двоюроднаго своего брата, Станислава Понятовскаго, бывшаго избранникомъ Императрицы Екатерины II. Патріотическая дѣятельность родителей Чарторижскаго наложила на его судьбу особый отпечатокъ, такъ что въ теченіе всей жизни онъ поставлялъ себѣ единственной цѣлью стремиться къ возрожденію Польши. Довершивъ свое домашнее образованіе путешествіемъ за границу, князь Адамъ уже въ 1792 г. принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ, но послѣдовавшая за вторымъ раздѣломъ Польши конфискація имѣній Чарторижскихъ вынудила князя Адама, вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ, отправиться ко двору Екатерины, въ Петербургъ, ходатайствовать о снятіи конфискаціи. Въ Петербургѣ Чарторижскимъ много помогъ своимъ вліяніемъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, извѣстный своею дружбой съ ихъ матерью; даже, по свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, самъ князь Адамъ былъ плодомъ его связи съ ней. Обласканный Императрицей, Чарторижскій былъ зачисленъ въ придворный штатъ и имѣлъ случай сблизиться съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ, либеральныя настроенія котораго, казалось, могли содѣйствовать дѣлу возсозданія Польши; образованный и ловкій полякъ умѣлъ въ то же время пріобрѣсти довѣріе и супруги его, Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла, близкія отношенія Чарторижскаго къ великокняжеской четѣ явились причиною удаленія его изъ Россіи, съ назначеніемъ посланникомъ ко двору Сардинскаго короля. Въ 1801 г., по кончинѣ Павла I, Императоръ Александръ тотчасъ вызвалъ друга своего въ Петербургъ и сдѣлалъ его членомъ „негласнаго комитета" для обсужденія предположенныхъ реформъ въ Россіи и вслѣдъ затѣмъ помощникомъ Государственнаго канцлера А. Р. Воронцова, по удаленіи котораго въ деревню, Чарторижскій вступилъ въ управленіе министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ. Цѣлью Чарторижскаго явилось (путемъ коалиціи противъ Наполеона съ Англіей и Австріей) измѣненіе политической карты Европы для возстановленія Польскаго королевства, чему Александръ выражалъ большое сочувствіе; однако, пораженіе при Аустерлицѣ, неудачи Прусской кампаніи и послѣдовавшее затѣмъ сближеніе Александра съ Наполеономъ помѣшали осуществленію этого плана. Чарторижскій долженъ былъ отказаться отъ управленія министерствомъ и заняться дѣлами ввѣреннаго ему Виленскаго учебнаго округа, при чемъ всѣ старанія Чарторижскаго направлены были къ колонизаціи края; вліяніе его на Императора оставалось еще довольно сильнымъ, и образованіе на Вѣнскомъ конгрессѣ Царства Польскаго, въ политической уніи съ Россіей, было въ значительной степени слѣдствіемъ его внушеній. Но Императоръ Александръ въ это время уже началъ понимать конечныя цѣли Чарторижскаго и не назначилъ его намѣстникомъ вновь созданнаго Царства, что было завѣтной его мечтою, а въ 1823 г. даже назначилъ слѣдствіе по дѣламъ Виленскаго округа и удалилъ Чарторижскаго отъ должности попечителя. Возстаніе въ Польшѣ 1830 г. вызвало его въ Варшаву, гдѣ онъ занялъ должность президента Сената и національнаго правительства; о немъ стали уже говорить, какъ о будущемъ королѣ Польши, но усмиреніе возстанія положило навсегда предѣлъ его политической дѣятельности и принудило его эмигрировать во Францію. Впрочемъ, до конца своей жизни онъ оставался знаменемъ польскаго дѣла, а его домъ въ Парижѣ, Hôtel Lambert, центромъ объединяющей дѣятельности „бѣлыхъ" польскихъ эмигрантовъ. Онъ оставилъ послѣ себя „Записки", весьма важныя для русской исторіи конца XVIII и начала XIX вѣка, несмотря на односторонность политической тенденціи ихъ автора и завѣдомыя умолчанія о многихъ существенныхъ фактахъ его богатой событіями жизни.

(Съ портрета Олешкевича; Московскій Румянцевскій музей.)

Le prince **ADAM-YOURI ADAMOWITCH CZARTORYSKY**, 1770—1861, homme politique polonais, ministre des Affaires étrangères de Russie et curateur de l'arrondissement scolaire de Vilna. Dans les orages politiques qui remplirent l'histoire de la Pologne pendant la seconde moitié du XVIIIe siècle et aboutirent à son partage entre ses voisins, le père de Czartorysky, le prince Adam-Casimir, et sa mère, la princesse Isabelle, née Flemming, la fameuse Mère de la Patrie, jouèrent un rôle important: à la mort du roi Auguste III, le prince Adam-Casimir fut même candidat au trône de Pologne, mais renonça à ses droits en faveur de son cousin Stanislas Poniatowsky, l'élu de l'Impératrice Catherine II. L'activité patriotique des parents de Czartorysky imprima à sa destinée un cachet particulier: le but unique de toute sa vie fut le rétablissement de la Pologne. Après avoir complété par un voyage à l'étranger l'éducation reçue au foyer paternel, le prince Adam prit part dès 1792 aux opérations militaires contre les Russes, mais le second partage entraîna la confiscation des biens de la famille, et il dut aller avec son frère Constantin à la Cour de St-Pétersbourg, solliciter la main-levée de Catherine II. Là, les deux frères trouvèrent une aide puissante près du prince Nicolas Repnine, connu pour son amitié avec leur mère: selon certains contemporains, le prince Adam lui-même aurait été le fruit de cette liaison. Comblé d'amitiés par l'Impératrice, il fut attaché à la Cour et eut l'occasion de se lier avec le Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, dont les dispositions libérales semblaient pouvoir favoriser la cause de la restauration de la Pologne; l'adroit et instruit Polonais sut en même temps gagner également la confiance de sa femme, la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna. A l'avènement de l'Empereur Paul, ses relations avec le couple grand-ducal le firent éloigner de Russie et envoyer comme ambassadeur à la cour du roi de Sardaigne. En 1801, à la mort de Paul Ier, l'Empereur Alexandre rappela tout de suite son ami à Pétersbourg et le fit membre du Comité secret chargé d'étudier les projets de réformes, puis adjoint au chancelier A. Worontzoff, à la disgrâce duquel il lui confia le ministère des Affaires étrangères. Le but de Czartorysky était de former, avec l'Angleterre et l'Autriche, une coalition contre Napoléon pour restaurer, à la faveur d'un remaniement de la carte de l'Europe, le royaume de Pologne. Ce plan avait l'approbation d'Alexandre, mais la défaite d'Austerlitz, les échecs de la campagne de Prusse et le rapprochement qui suivit avec Napoléon en empêchèrent la réalisation. Czartorysky dut quitter le ministère pour prendre l'administration de l'arrondissement scolaire de Vilna, où il employa tous ses efforts à la colonisation du pays; son influence sur l'Empereur était restée encore assez forte, et la formation, au Congrès de Vienne, d'un royaume de Pologne sous le sceptre russe fut en grande partie le résultat de ses insinuations. Mais l'Empereur, qui alors commençait déjà à percer ses intentions à jour, ne l'en fit pas vice-roi, ce qui était son rêve, et ordonna même, en 1823, une enquête dans l'arrondissement de Vilna, qui aboutit à la révocation du curateur. L'insurrection de 1830 rappela Czartorysky à Varsovie, comme président du Sénat et du gouvernement national; on le faisait même déjà roi de Pologne, quand la répression de l'insurrection mit fin pour toujours à sa carrière politique et l'obligea d'émigrer en France. Il resta d'ailleurs jusqu'à la fin de ses jours le porte-drapeau de la cause polonaise, et sa maison à Paris, l'Hôtel Lambert, fut le quartier-général des Blancs. Il a laissé des Mémoires, très importants pour l'histoire de Russie de la fin du XVIIIe et du commencement du XIXe siècle malgré l'exclusivisme de ses tendances politiques et son silence intentionnel sur nombre de faits essentiels de sa vie si remplie d'événements.

(D'après l'original d'Olechkewitch, Musée Roumiantzeff, Moscou.)

Пис. Олешкевичъ | Peint par Olechkewitch

Князь Адамъ Адамовичъ Чарторыжскій, 1770-1861 | Le Prince Adam Adamowitch Czartorysky, 1770-1861

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Князь **ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ТЮФЯКИНЪ**, 1769—1845, сынъ князя Ивана Петровича Тюфякина (1740—1804), бывшаго „командиромъ" Императорскихъ Московскихъ дворцовъ и садовъ, отъ брака съ княжной Маріей Александровной Долгорукой, родился въ 1769 г.; началъ службу въ Семеновскомъ полку; въ 1793 г. былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ двора Великаго Князя Александра Павловича и, спустя пять лѣтъ, пожалованъ въ камергеры; 20 Апрѣля 1799 г. Тюфякинъ, въ чинѣ подпоручика, былъ уволенъ отъ службы и сосланъ Императоромъ Павломъ I въ Москву. Воцареніе Александра Павловича, повидимому, не отразилось на его судьбѣ въ такой мѣрѣ, какъ онъ того желалъ, и, по словамъ Вигеля, „видя себя обманутымъ въ надеждѣ сдѣлаться любимцемъ царя, онъ съ досады поселился въ Парижѣ". Впрочемъ, уже въ 1812 г., 4 Апрѣля, состоялось назначеніе Тюфякина, какъ знатока театровъ, вице-директоромъ и присутствующимъ въ Конторѣ театральной дирекціи, для управленія хозяйственной частью.

Князь Тюфякинъ оказался дѣловитымъ и энергичнымъ администраторомъ; онъ скоро завоевалъ себѣ выдающееся положеніе и расширилъ свою компетенцію, въ особенности послѣ ухода въ отставку его непримиримаго врага по службѣ въ дирекціи — князя А. А. Шаховского. Ему удалось быстро поправить финансовое положеніе Императорскихъ театровъ, которые, вмѣсто дефицита, стали приносить доходъ. Дѣятельность его была оцѣнена Государемъ: Тюфякинъ былъ пожалованъ въ гофмейстеры (22 Іюня 1816 г.), орденомъ св. Владиміра 2-й степени, 14 Февраля 1818 г. удостоенъ Высочайшей благодарности, при рескриптѣ, а 6 Апрѣля 1819 г., по выходѣ въ отставку А. Л. Нарышкина, былъ назначенъ главнымъ директоромъ. Онъ съ неменьшимъ рвеніемъ продолжалъ служить театру, и время его дирекціи одинъ изъ современниковъ называетъ „апогеемъ всѣхъ труппъ". Впрочемъ, враги Тюфякина не дремали, и интрига сдѣлала свое дѣло: 24 Октября 1821 г. послѣдовалъ указъ, коимъ князь Тюфякинъ „вовсе увольнялся отъ управленія театрами", и на его мѣсто назначался дѣйствительный статскій совѣтникъ А. А. Майковъ.

Князь Тюфякинъ уѣхалъ за границу, гдѣ и провелъ остальную часть жизни. Въ 1841 г. онъ былъ уволенъ отъ должности дѣйствительнаго камергера, въ званіи гофмейстера и командора Мальтійскаго ордена. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Парижѣ, гдѣ и умеръ 19 Февраля 1845 года. Въ Парижѣ, между прочимъ, его видѣлъ князь П. А. Вяземскій, отозвавшійся о немъ, какъ о „любезномъ" человѣкѣ, „парижскій домъ котораго былъ очень гостепріименъ для туземцевъ и для заѣзжихъ земляковъ". А. И. Тургеневъ, попавшій въ Январѣ 1828 г. на балъ къ Тюфякину, сообщилъ въ письмѣ къ своему брату Николаю Ивановичу слѣдующія подробности: „Вчера былъ на балѣ у князя Тюфякина, который собралъ всѣхъ красавицъ и fashionables Парижа, всю знать и проч.... Онъ живетъ на бульварѣ, противъ театра; убралъ картинами, книгами и коврами домъ свой.... словомъ, сибаритствуетъ и даетъ изрѣдка балы, надъ коими парижане иногда смѣются, но куда всѣ попасть желаютъ и подличаютъ ему изъ-за приглашенія. Онъ угощаетъ роскошно, но чаемъ и конфектами, а не по-русски. Я видѣлъ тутъ и дворъ и городъ: многихъ, о коихъ зналъ только по слуху; были и фельдмаршалы Наполеона, и капитаны гвардіи короля"... Д. Н. Свербеевъ, разсказывая о житьѣ Тюфякина въ Парижѣ, передаетъ, будто бы онъ былъ близокъ съ одной изъ парижскихъ актрисъ, Mlle Irma, съ которой всюду появлялся и былъ поэтому „предметомъ постоянныхъ печатныхъ насмѣшекъ въ мелкихъ парижскихъ журналахъ, какъ, напр., „Miroir", и проч.; тамъ окрестили его княземъ „Tout-faquin". Современники оставили о князѣ Тюфякинѣ совершенно противоположные отзывы: по словамъ Вигеля, онъ былъ „скученъ, несносенъ, своенравенъ и зналъ одни только чувственныя наслажденія". „Обращеніе князя Тюфякина съ артистами доходило иногда до безобразнаго самоуправства и цинизма", говоритъ о немъ П. П. Каратыгинъ, подмѣтившій у князя „монгольскія замашки"; тогда какъ его сослуживецъ Р. М. Зотовъ свидѣтельствуетъ, что Тюфякинъ „былъ обходительнаго нрава и благороднѣйшихъ правилъ, часто очень вспыльчивъ, но отходчивъ и снисходителенъ".

Князь П. И. Тюфякинъ былъ женатъ на фрейлинѣ Екатеринѣ Осиповнѣ Хорватъ (р. 1777 г., † 6 Марта 1802 г.; погребена въ Сергіевской Пустыни, въ склепѣ графовъ Зубовыхъ), дочери генералъ-лейтенанта, бывшаго Воронежскаго, а затѣмъ Екатеринославскаго губернатора, и жены его, Анны Александровны Зубовой, сестры фаворита князя Платона Зубова. Князь Тюфякинъ умеръ бездѣтнымъ, и съ его смертью пресѣкся родъ князей Тюфякиныхъ, отрасли князей Оболенскихъ.

(Съ портрета Липуйля, 1838 г.; собственность князя Д. Н. Долгорукаго, с. Волынщина, Московской губ.)

Le prince PIERRE IVANOWITCH TUFIAKINE, 1769—1845, fils du prince Ivan Pétrowitch Tufiakine (1740—1804), ancien commandant des Palais et Jardins Impériaux de Moscou, et de Marie Alexandrowna, née princesse Dolgorouky, naquit en 1769. Entré au service au régiment Sémenowsky, il devint en 1793 gentilhomme de la chambre à la Cour du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, et, cinq ans plus tard, chambellan. Le 20 avril 1799, alors sous-lieutenant, il fut destitué par l'Empereur Paul Ier et relégué à Moscou. L'avènement d'Alexandre ne semble pas avoir eu sur son sort toute l'influence qu'il aurait désirée, et, dit Wiegel, „se voyant déçu dans son espoir de devenir favori de l'Empereur, de dépit il alla se fixer à Paris". D'ailleurs, dès 1812, le 4 avril, il fut nommé, comme connaisseur en matière théâtrale, sous-directeur et membre du Bureau de la Direction des Théâtres, pour la partie administrative. Administrateur entendu et énergique, il se fit bientôt une situation éminente et élargit le cercle de sa compétence, surtout après la retraite de son implacable ennemi au service de la direction, le prince A. Chakhowskoï. Il eut vite fait de rétablir les finances des Théâtres Impériaux, et le déficit fit place au bénéfice. Son administration fut appréciée par l'Empereur: il fut fait maître de la Cour le 22 juin 1816, décoré de St-Vladimir de 2e classe, honoré le 14 février 1818 d'un rescrit lui exprimant la gratitude de Sa Majesté, et, le 6 avril 1819, à la retraite de A. Narychkine, nommé directeur général. Son zèle au service du théâtre ne se ralentit nullement, et un contemporain appelle l'époque de sa direction „l'apogée de toutes les troupes". D'ailleurs ses ennemis ne s'endormaient pas, et l'intrigue fit son œuvre: un oukaze du 24 octobre 1821 lui „retirait complètement la direction des Théâtres", pour le remplacer par le conseiller d'état actuel A. Maïkoff.

Le prince Tufiakine partit pour l'étranger, où il passa le reste de sa vie. En 1841, il fut dépouillé de ses fonctions de chambellan actuel, et de ses dignités de maître de la Cour et de commandeur de l'Ordre de Malte. Il passa ses dernières années à Paris, où il mourut le 19 février 1845. Il y vit, entre autres, le prince P. Viazemsky, qui parle de lui comme d'un homme „aimable", „ouvrant largement sa maison de Paris aux français et à ses concitoyens de passage". A. Tourguéneff, qui se trouva à un bal chez lui en janvier 1828, communique par lettre à son frère Nicolas les détails suivants: „Hier, j'ai été à un bal chez le prince Tufiakine, qui avait réuni toutes les beautés et les fashionables de Paris, toute l'aristocratie, etc.... Il habite sur le boulevard, en face du théâtre: tout est garni de tableaux, de livres et de tapis; en un mot, c'est un sybarite. Il donne assez rarement des bals, dont les Parisiens se moquent quelquefois, mais tout le monde veut en être, et ce ne sont que révérences pour se faire inviter. Il traite magnifiquement: mais du thé et des bonbons, pas à la russe! J'ai vu là et la Cour et la ville: beaucoup de gens que je ne connaissais que pour en avoir entendu parler; et de tous les camps, des feld-maréchaux de Napoléon et des capitaines de la Garde Royale"... D. Sverbéeff, à propos du séjour de Tufiakine à Paris, prétend qu'il était intime d'une actrice parisienne, Mlle Irma, et qu'il la montrait partout, s'attirant ainsi les railleries continuelles des petits périodiques de Paris, comme le Miroir et autres, qui l'avaient baptisé le prince Tout-Faquin. Les contemporains sont d'opinions absolument opposées sur son compte: Wiegel le trouve „ennuyeux, insupportable, capricieux et ne connaissant que les plaisirs sensuels". „Son attitude avec les artistes allait parfois jusqu'aux voies de fait et à un cynisme sans nom", dit de lui P. Karatyguine, qui lui avait remarqué „des allures à la mongole"; par contre, au témoignage de son collègue R. Zotoff, „c'était un caractère affable et un parfait galant homme, parfois très emporté, mais sans rancune et débonnaire".

Le prince Tufiakine avait épousé la demoiselle d'honneur Catherine Ossipowna Khorvat (1777—6 mars 1802, inhumée au monastère St-Serge, dans la crypte des comtes Zouboff), fille d'un général lieutenant gouverneur de Voronèje, puis d'Ekatérinoslav, et d'Anne Alexandrowna, née Zouboff, sœur du favori prince Platon Zouboff. Le prince Tufiakine mourut sans enfants: avec lui s'éteignit la race des princes Tufiakine, branche de celle des princes Obolensky.

(D'après l'original de Lipouille, 1838, appartenant au prince D. Dolgorouky, Volynchtchina, gouv. de Moscou.)

Пис: Липуйль, 1838 — Peint par Lipouil, 1838

Князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, 1769-1845 | Le Prince Pierre Iwanowitch Tioufiakine, 1769-1845

Княжна **ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ХОВАНСКАЯ**, 1762—1813, и **ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ХРУЩОВА**, 1761— . . . . . Княжна Екатерина Николаевна Хованская, дочь умершаго въ 1775 г. полковника князя Николая Васильевича Хованскаго отъ брака съ Маріей Николаевной Щепотьевой, родилась въ 1762 году (годъ рожденія ея подъ портретомъ ея не точенъ) и, поступивъ въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ въ 1767 г., окончила курсъ со вторымъ выпускомъ въ 1779 г.; въ Маѣ 1786 г., княжна Хованская вышла замужъ за Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго, впослѣдствіи статсъ-секретаря Императора Павла, сенатора, почетнаго опекуна Воспитательнаго дома. Въ 1798 г. Нелединскій получилъ приказаніе удалиться отъ Двора; переселившись въ Москву, Нелединскіе зажили открытымъ домомъ, въ кругу многочисленной родни и друзей, среди которыхъ было не мало выдающихся литераторовъ. Но слабое здоровье Екатерины Николаевны доставляло много безпокойства ея мужу, окружавшему ее всевозможными попеченіями. Страдая мучительною внутреннею болѣзнью, женщина крайне слабая и нервная, очень впечатлительная и увлекающаяся, Е. Н. Нелединская вынесла изъ полученнаго въ Смольномъ воспитанія большую любовь къ театру и особенно восторгалась извѣстной актрисой Семеновой.

При нашествіи Наполеона, безпокойства этого тяжелаго времени такъ сильно повліяли на нее, что нервныя страданія ея усилились до степени опасной болѣзни, что побудило Нелединскаго въ Январѣ 1813 г. просить о переводѣ его въ Петербургскій Сенатъ. Мысль о возвращеніи въ Петербургъ очень обрадовала Екатерину Николаевну, но ей не суждено было дожить до этого. Она скончалась въ Ярославлѣ 13 Апрѣля 1813 г.; тѣло ея было перевезено въ Москву и предано землѣ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ХРУЩОВА, дочь премьеръ-майора Николая Семеновича Хрущова, умершаго до 1798 г., женатаго на княжнѣ Прасковьѣ Михайловнѣ Волконской. Время ея рожденія можетъ быть приблизительно опредѣлено около 1761 г. (въ подписи подъ ея портретомъ годъ не вѣренъ), такъ какъ извѣстно, что она окончила курсъ во второмъ выпускѣ въ 1779 г., слѣдовательно, поступила въ Смольный въ 1767 г., а принимались туда дѣвочки не старше 6-и лѣтъ. Имя ея сохранилось въ лѣтописяхъ Смольнаго монастыря, не благодаря успѣхамъ въ наукахъ, а по участію, принятому ею въ праздникѣ 24 Іюля 1777 г., данномъ въ институтѣ въ присутствіи Екатерины II и короля Шведскаго Густава III, на которомъ она выступила въ оперѣ „Земира и Азоръ". „Въ одной сценѣ", сказано въ описаніи этого праздника въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, „въ которой дѣвица Хрущова представляла безобразнаго Азора, чарованіе, надъ нимъ произведенное, долженствовало исчезнуть при сорваніи береженнаго имъ цвѣтка для Божества благотворительнаго. Цвѣтокъ былъ сорванъ по предсказанію, и госпожа дѣвица Хрущова, при названіи имени Великой Екатерины, сняла съ себя страшную маску, воспріяла прежній свой образъ, но, произнося нѣкоторыя благодарныя изреченія, относительныя къ своей Покровительницѣ или паче къ своему благотворительному Божеству, окропилась ручьями слезъ, и изліяніе нѣжныхъ ея чувствъ прерывало слова ея"... Игра Хрущовой особенно понравилась королю Шведскому, пожаловавшему, „изъ отмѣннаго своего къ воспитывающимся усердія, брильянтовое сердечко дѣвицѣ Е. Н. Хрущовой". По тому же случаю „нѣкто, Чувствительный Гражданинъ", сочинилъ слѣдующіе стихи:

„Нарекши чтимое межъ нами Божество,
Хрущова накопецъ волшебство низложила,
Но въ насъ произвела другое чаровство:
Она пріятностьми сердца обворожила".

О послѣдующей судьбѣ Хрущовой, равно какъ о времени ея кончины и мѣстѣ погребенія, свѣдѣній намъ найти не удалось, но имѣется указаніе, что она была замужемъ за полковникомъ фонъ-Ломанъ.

(Съ портрета Левицкаго; Петергофскій Дворецъ.)

La princesse CATHERINE NIKOLAEWNA KHOVANSKY, 1762—1813, et CATHERINE NIKOLAEWNA KHROUCHTCHOFF, 1761—..... La princesse Catherine Nikolaewna Khovansky, fille du prince Nicolas Vassiliewitch Khovansky († 1775), colonel, et de Marie Nikolaewna, née Chtchépotieff, naquit en 1762 (la date donnée sous le portrait est inexacte), et, entrée en 1767 à Smolna, en sortit en 1779 dans la seconde promotion. Elle épousa en mai 1786 Youri Alexandrowitch Nélédinsky-Méletzky, dans la suite secrétaire d'Etat de l'Empereur Paul, sénateur et curateur honoraire des Enfants-Trouvés. Eloigné de la Cour en 1798, il alla se fixer à Moscou, où ils vécurent largement, recevant quantité de parents et amis, parmi lesquels se trouvaient bon nombre d'écrivains en renom. Mais la santé délicate de Mme Nélédinsky donnait beaucoup de souci à son mari, qui l'entourait de tous les soins imaginables. Atteinte d'une cruelle maladie interne, personne d'une faiblesse et d'une nervosité extrêmes, très impressionnable et sujette aux entraînements, elle avait emporté de Smolna la passion du théâtre et était surtout enthousiaste de la fameuse actrice Sémenoff.

Lors de l'invasion de Napoléon, elle se ressentit si vivement des agitations de ce moment terrible, que son affection nerveuse dégénéra en une maladie grave, qui détermina son mari à demander en janvier 1813 à passer au Sénat de Pétersbourg. Elle était toute heureuse à l'idée de rentrer à Pétersbourg, mais il ne lui fut pas donné de vivre jusque-là. Elle mourut à Yaroslavl le 13 avril 1813; son corps fut ramené à Moscou et inhumé au monastère Novospassky.

CATHERINE NIKOLAEWNA KHROUCHTCHOFF, fille du premier major Nicolas Sémenowitch Khrouchtchoff († avant 1798) et de Prascovie Mikhaïlowna, née princesse Wolkonsky. L'époque de sa naissance peut être approximativement fixée vers 1761 (la date donnée sous le portrait est inexacte), car on sait qu'elle sortit de Smolna dans la seconde promotion, en 1779; elle y était donc entrée en 1767: or les élèves n'y étaient admises que jusqu'à 6 ans. Son nom s'est conservé dans les annales de Smolna, non pas en raison de ses succès scolaires, mais pour la part qu'elle prit à la fête donnée à l'institut le 24 juillet 1777 en présence de Catherine II et du Roi de Suède Gustave III, et où elle parut dans l'opéra-comique Zémire et Azor. „Dans une scène", dit le Journal de St-Pétersbourg dans son compte-rendu, „où Mlle Khrouchtchoff faisait l'affreux Azor, le sort jeté sur lui devait cesser d'agir quand serait cueillie la fleur qu'il réservait pour la Divinité bienfaitrice. La fleur fut cueillie selon la prédiction, et Mlle Khrouchtchoff, en proclamant le nom de Catherine la Grande, enleva son masque horrible et reprit sa première forme, mais, en prononçant quelques mots de gratitude à l'adresse de sa Protectrice, ou plutôt de sa Divinité bienfaitrice, elle fondit en larmes, et ses paroles furent interrompues par ses épanchements de tendresse"... Son jeu plut particulièrement au Roi de Suède, qui décerna, „dans sa profonde sollicitude pour les jeunes élèves, un cœur en diamants à Mlle Khrouchtchoff". A la même occasion, „Un Citoyen Sensible" composa les vers suivants:

„Par la Divinité que nous vénérons tous,
„Khrouchtchoff détruit enfin cet affreux sortilège,
„Mais jette en même temps sur nous un autre sort:
„Ses charmes pour toujours ont fasciné nos cœurs".

Quant à ce que devint dans la suite Mlle Khrouchtchoff, à la date de sa mort et au lieu de sa sépulture, les renseignements font défaut: on sait seulement qu'elle épousa le colonel Von Loman.

(D'après l'original de Lévitzky, Palais de Péterhof.)

Пис. Левицкий, 1773 | Peint par Lévitsky, 1773

Княжна Е. Н. Хованская, 1758-1813, и Е. Н. Хрущова, 1758-····

La P^sse Catherine Khovansky, 1758-1813, et Catherine Khroushtcheff, 1758-····

Экспед. [illegible] Etat

29

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА БОРЩЕВА, 1759—1845, дочь отставного фурьера Семена Ивановича Борщева, родилась 9 Августа 1759 года (годъ рожденія въ подписи подъ портретомъ не точенъ). Принята была въ Смольный институтъ при первомъ пріемѣ воспитанницъ въ 1764 г. въ основанное Екатериною Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ. Окончила курсъ въ первомъ выпускѣ 1776 г., съ золотою медалью первой величины, вензелемъ Императрицы на лентѣ съ одной золотой полоской и пенсіей по 250 руб. въ годъ. Будучи предназначенной къ пожалованію фрейлиной при Великой Княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, скончавшейся за нѣсколько дней до перваго выпуска смолянокъ, она была принята ко Двору 14 Іюня 1776 г. и назначена состоять, вмѣстѣ съ любимою своей подругою по институту Е. И. Нелидовой, фрейлиною при второй супругѣ Цесаревича, Великой Княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ этомъ офиціальномъ званіи Н. С. Борщева сопровождала „графа и графиню Сѣверныхъ" въ ихъ путешествіи по Европѣ въ 1782 г. и, вмѣстѣ съ фрейлиной Нелидовой, во всѣхъ офиціальныхъ случаяхъ „имѣла шагъ" передъ княгиней Салтыковой и г-жей Бенкендорфъ, сопровождавшихъ великокняжескую чету неофиціально. Борщева не пользовалась, однако, особеннымъ расположеніемъ Великой Княгини, которая во время путешествія всегда тяготилась присутствіемъ своихъ фрейлинъ, мѣшавшихъ ей оставаться въ обществѣ г-жи Бенкендорфъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы Н. С. Борщева вышла замужъ за Клавдія Семеновича Мусина-Пушкина, отъ котораго имѣла шесть сыновей: Петра, Павла, Александра, Сергѣя, Николая и Ивана, и двухъ дочерей: Екатерину и Александру. Вторымъ бракомъ она вышла за генералъ-майора барона Вильгельма-Людвига Ховенъ, и въ 1809 г. была назначена состоять гофмейстериной при фрейлинахъ, а вслѣдъ за тѣмъ была пожалована въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста. Скончалась въ глубокой старости 31 Октября 1843 года.

На портретѣ Левицкаго Н. С. Борщева изображена въ костюмѣ, въ которомъ она участвовала въ спектаклѣ, данномъ въ Смольномъ при первомъ выпускѣ воспитанницъ въ 1776 году. Обладая хорошимъ голосомъ, она появлялась въ бытность свою въ Смольномъ и во французскихъ операхъ, при чемъ исполненіе ею въ оперѣ „La Servante Maitresse" роли „Пандолфовой" воспѣто было въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 29 Ноября 1779 г. хвалебными стихами, начинавшимися такъ:

„Борщева, въ оперѣ съ Нелидовой играя
И ей подобнымъ же талантомъ обладая,
Подобну похвалу себѣ пріобрѣла
И въ зрителяхъ сердца ты пѣніемъ зажгла"....

(Съ портрета Левицкаго; Петергофскій Дворецъ.)

29

NATALIE SÉMENOWNA BORCHTCHEFF, 1759—1843, fille du fourrier en retraite Siméon Ivanowitch Borchtcheff, naquit le 9 août 1759 (la date donnée sous le portrait est inexacte). Admise à Smolna en 1764, l'année même de la fondation par Catherine II de la Société d'Education des Jeunes Filles Nobles, elle en sortit dans la première promotion en 1776 avec une médaille d'or de première classe, le chiffre de l'Impératrice sur ruban à une bande dorée et une pension de 250 roubles par an. Désignée comme future demoiselle d'honneur de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, qui mourut quelques jours avant la sortie de la première promotion de Smolna, elle entra à la Cour le 14 juin 1776 et fut nommée, avec sa camarade d'institut préférée, Mlle Nélidoff, demoiselle d'honneur de la seconde femme du Césarewitch, la Grande-Duchesse Marie Féodorowna. En cette qualité officielle, elle accompagna le comte et la comtesse du Nord dans leur voyage d'Europe en 1782, et, ainsi que Mlle Nélidoff, eut le pas dans toutes les circonstances officielles sur la princesse Saltykoff et Mme Benkendorf, qui accompagnaient le couple Grand-Ducal non officiellement. Elle ne profita pas, toutefois, de la faveur particulière de la Grande-Duchesse, gênée durant tout le voyage par la présence de ses demoiselles d'honneur, qui l'empêchaient de rester dans la société de Mme Benkendorf. Elle épousa, peu après son retour de l'étranger, Claude Sémenowitch Moussine-Pouchkine, dont elle eut six fils, Pierre, Paul, Alexandre, Serge, Nicolas et Ivan, et deux filles, Catherine et Alexandrine. Elle épousa en secondes noces le baron Guillaume-Louis Howen, général major, et fut faite en 1809 maîtresse de la Cour, puis dame de Ste-Catherine. Elle mourut dans une profonde vieillesse le 31 octobre 1843.

Le portrait de Lévitzky représente Mlle Borchtcheff avec le costume dans lequel elle figura au spectacle donné à Smolna en 1776 pour la sortie de la première promotion. Douée d'une jolie voix, elle joua également à Smolna les opéras français: son jeu dans La Servante Maîtresse, où elle faisait Pandolfe, fut célébré dans le Journal de St-Pétersbourg du 29 novembre 1779 par des vers élogieux commençant ainsi:

„Avecque Nélidoff jouant les opéras,
„Borchtcheff, y déployant un semblable talent,
„D'une semblable gloire en fut récompensée,
„Et par son chant divin embrasa tous les cœurs"...

(D'après l'original de Lévitzky, Palais de Péterhof.)

Пис. Левицкій | Peint par Lévitsky

Наталія Семеновна Борщова, 1758 1843

Natalie Sémenowna Borchtcheff, 1758-1843

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

30

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА МОЛЧАНОВА, 1758—1809, дочь коллежскаго совѣтника Ивана Яковлевича Молчанова, родилась 9 Ноября 1758 г. (даты въ подписи подъ портретомъ не точны) и взята была на воспитаніе супругой оберъ-егермейстера Маріей Павловной Нарышкиной, рожденной Балкъ-Полевой, которая и опредѣлила ее въ 1764 г. въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ. Окончивъ курсъ въ 1776 г. второю, съ золотой медалью и „знакомъ отмѣны" (золотымъ шифромъ Императрицы) на лентѣ съ тремя золотыми полосками, она получила также и пенсію по 250 руб. въ годъ изъ процентовъ съ капитала въ 100.000 руб., пожертвованнаго Екатериною II при первомъ выпускѣ смолянокъ „на содержаніе и снабженіе приданымъ тѣхъ, которыя сей помощи по выходѣ изъ Общества, а паче когда поступятъ въ супружество, ни откуда не могутъ имѣть". 19 Іюня 1776 г. Молчанова взята была ко Двору и, вмѣстѣ съ своей подругой по институту Г. И. Алымовой, была послана навстрѣчу прибывавшей въ Россію невѣсты Великаго Князя Павла Петровича, принцессы Софіи-Доротеи Виртембергской. Е. И. Молчанова вышла замужъ за генералъ-майора Сергѣя Адамовича Олсуфьева, втораго сына секретаря Екатерины II, Адама Васильевича, и получила отъ своей воспитательницы М. П. Нарышкиной „приличное приданое, смотря при томъ на качество ей принадлежащаго жениха". Отъ этого брака она имѣла одного сына, бывшаго впослѣдствіи Пензенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, и дочь — за тайнымъ совѣтникомъ Дмитріемъ Сергѣевичемъ Жеребцовымъ. Скончалась Е. И. Олсуфьева 3 Сентября 1809 г. и похоронена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

На портретѣ Левицкаго, писанномъ въ 1776 г., Молчанова изображена декламирующею по книгѣ. Въ бытность свою въ Смольномъ она отличалась, кажется, и искусствомъ вышиванья, если судить по словамъ Екатерины въ запискѣ къ ея подругѣ по институту Левшиной: „Betzky met dans ma chambre au Palais d'Hiver un sofa à la turque; il n'y a que Votre face travaillée par Mlle Moltchanoff que j'ai placée moi-même: c'est un meuble d'affection qui ne quittera pas la place que je lui ai donnée".

(Съ портрета Левицкаго; Петергофскій Дворецъ.)

CATHERINE IVANOWNA MOLTCHANOFF, 1758—1809, fille du conseiller de collège Ivan Yakovlewitch Moltchanoff, naquit le 9 novembre 1758 (les dates données sous le portrait sont inexactes); la femme du grand veneur Marie Pavlowna Narychkine, née Balk-Polévoï, se chargea de son éducation, et la mit à Smolna en 1764. Elle en sortit seconde en 1776, avec une médaille d'or, le Signe de distinction (chiffre en or de l'Impératrice) sur ruban à trois bandes dorées, et une pension annuelle de 250 roubles provenant des intérêts d'un capital de 100.000 roubles assigné par Catherine II, lors de la sortie de la première promotion de Smolna, „à l'entretien et au trousseau de celles auxquelles cette ressource, à la sortie de l'institut et surtout à leur mariage, ne pourrait venir d'autre part". Entrée à la Cour le 19 juin 1776, elle fut chargée, avec sa camarade d'institut Mlle Alymoff, d'aller recevoir à son entrée en Russie la princesse Sophie-Dorothée de Wurtemberg, fiancée du Grand-Duc Paul Pétrowitch. Elle épousa le général major Serge Adamowitch Olsoufieff, second fils du secrétaire de Catherine II, et reçut de Mme Narychkine qui l'avait élevée „un trousseau convenable, eu égard à la qualité de son fiancé". Elle eut de ce mariage un fils, dans la suite maréchal de la noblesse du gouvernement de Penza, et une fille, qui épousa le conseiller privé Dmitri Serguéewitch Jérebtzoff. Elle mourut le 3 septembre 1809, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Sur le portrait de Lévitzky, fait en 1776, Mlle Moltchanoff est représentée déclamant dans un livre. Etant à Smolna, elle avait, paraît-il, un autre talent, celui de broder, à juger d'après le passage suivant d'un billet de Catherine II à sa camarade d'institut Mlle Levchine: „Betzky met dans ma chambre au Palais d'Hiver un sofa à la turque; il n'y a que Votre face travaillée par Mlle Moltchanoff que j'ai placée moi-même: c'est un meuble d'affection qui ne quittera pas la place que je lui ai donnée".

(D'après l'original de Lévitzky, Palais de Péterhof.)

Пис. Левицкій, 1776 — Peint par Lévitsky, 1776

Екатерина Ивановна Молчанова, 1762–1813 | Catherine Ivanowna Moltchanoff, 1762–1813

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers ...

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА НЕЛИДОВА, 1758—1839, дочь поручика Ивана Дмитріевича отъ брака съ Анной Александровной Симоновой, родилась 12 Декабря 1758 г. въ с. Климятинѣ, Дорогобужскаго уѣзда. Въ 1765 г. она была принята въ только-что основанный Екатериной II Смольный институтъ, гдѣ рано обратила на себя вниманіе своей способностью къ танцамъ и чрезвычайной граціей. Въ 1775 г. Екатерина II велѣла Левицкому написать портретъ Нелидовой, танцующей менуэтъ. По окончаніи въ 1776 г. института (съ шифромъ и малой золотой медалью), она была назначена фрейлиной къ Великой Княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, а затѣмъ къ Великой Княгинѣ Маріи Өеодоровнѣ. Проницательный умъ и твердый самостоятельный характеръ Нелидовой помогли ей быстро освоиться съ новой для нея обстановкой. Маленькая брюнетка, Нелидова была некрасива, но умные, блестящіе черные глаза, выразительное лицо, подвижной веселый характеръ, разговоръ, блещущій остроуміемъ, невольно привлекали къ ней. Цесаревичъ сталъ находить удовольствіе въ обществѣ фрейлины своей супруги, а потомъ дошелъ до рыцарскаго ей поклоненія. Живостью своего ума, искренностью и благородствомъ своихъ сужденій, она умѣла отвѣчать душевнымъ запросамъ Павла Петровича, съ его рыцарскимъ характеромъ и стремленіями къ правдѣ и народному благу, въ большей степени, чѣмъ его супруга, отличавшаяся нѣмецкой аккуратностью и методичностью. Нервная, надломленная натура Цесаревича въ стремленіи къ душевному равновѣсію находила нѣкоторое успокоеніе и поддержку въ свойствахъ ума и характера Нелидовой. Она постепенно совершенно овладѣла умомъ и сердцемъ Павла Петровича и, понявъ свойство его характера, умѣла имъ управлять. Въ своей восторженности она пришла къ убѣжденію, что „самъ Богъ предназначилъ ее“ охранять Павла и руководить имъ для общаго блага. Связь ихъ была чисто нравственная, отчасти на религіозно-мистической подкладкѣ; по словамъ самого Павла I, его соединяла съ Нелидовой „дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая“. Людямъ непонятны были такія отношенія, и уже съ 1785 г. Нелидову при дворѣ и въ обществѣ считали любовницей Павла, существованіе же клеветы заставляло Великаго Князя удвоить публичное выраженіе своего уваженія къ дѣвушкѣ, несправедливо страдающей изъ-за него. Марія Өеодоровна первоначально не придавала значенія сближенію мужа съ фрейлиной и даже пользовалась ея вліяніемъ для своихъ цѣлей, но затѣмъ стала имъ возмущаться, а Нелидова не замѣчала, сколько горечи должно было накопиться въ душѣ оскорбленной супруги. Съ 1795 г. интриги враговъ Нелидовой уменьшили вліяніе ея на Павла, зато возросло довѣріе къ ней Цесаревны, понявшей, что Нелидова—ея союзница. Въ 1796 г. произошла между друзьями размолвка, и Нелидова уединилась въ Смольномъ, гдѣ она поселилась еще раньше, только на время пріѣзжая ко двору. Съ восшествіемъ на престолъ Павла I значеніе Нелидовой возстановилось, съ Маріей же Өеодоровной онѣ заключили настоящій дружественный союзъ для блага любимаго обѣими человѣка. Ихъ старанія были направлены на то, чтобы удерживать Государя отъ вспышекъ гнѣва и необдуманныхъ рѣшеній, ходатайствовать за опальныхъ, замѣщать высшія должности благонамѣренными и преданными людьми. Собственно на государственныя дѣла Нелидова не могла имѣть вліянія, такъ какъ, не имѣя твердыхъ политическихъ убѣжденій и государственнаго ума и оставаясь всегда восторженно-сентиментальной институткой, руководилась обыкновенно нравственными и сердечными мотивами. Въ 1798 г. враги Императрицы и Нелидовой внушили Павлу I, что онъ находится подъ опекой супруги и ея камеръ-фрейлины, царствующихъ его именемъ, и устроили замѣну Нелидовой Лопухиной. Послѣ высылки изъ Петербурга въ замокъ Лоде графини Н. А. Буксгевденъ, любимой подруги Нелидовой, послѣдняя, въ Сентябрѣ 1798 г., тоже удалилась въ Лоде и только въ началѣ 1800 г. испросила разрѣшеніе вернуться въ Смольный. Смерть Павла I очень потрясла Нелидову; она быстро состарилась и посѣдѣла. Дружба ея съ Императрицей продолжалась до смерти послѣдней, и голосъ ея въ дѣлахъ царской семьи имѣлъ большой вѣсъ. По смерти Маріи Өеодоровны, Нелидова, почти всѣми забытая, доживала свой вѣкъ въ Смольномъ, сохранивъ до конца свой своеобразный пылкій умъ, продолжая плѣнять своей бесѣдой, но въ то же время доставляя много непріятностей близкимъ своей ворчливостью и требовательностью. Скончалась она 2 Января 1839 г. на рукахъ своей любимой племянницы и воспитанницы, княгини Трубецкой, и погребена на Охтенскомъ кладбищѣ, расположенномъ противъ милаго ея сердцу Смольнаго.

(Съ портрета Левицкаго; Большой Петергофскій дворецъ.)

CATHERINE IVANOWNA NÉLIDOFF, 1758—1839, fille du lieutenant Ivan Dmitriewitch Nélidoff et d'Anne Alexandrowna, née Simonoff, naquit le 12 décembre 1758 à Klimiatine, district de Dorogobouge. Admise en 1765 à l'institut Smolna récemment fondé par Catherine II, elle s'y fit bientôt remarquer par son aptitude pour la danse et sa grâce incomparable. En 1775, l'Impératrice la fit peindre par Lévitzky dansant le menuet. A sa sortie de l'institut en 1776, avec le chiffre et la petite médaille d'or, elle fut faite demoiselle d'honneur de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, puis de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna. Esprit pénétrant, caractère ferme et personnel, elle eut vite fait de s'adapter à un milieu nouveau pour elle. Petite et brune, elle n'était pas belle, mais ses yeux noirs vifs et brillants, son visage expressif, son animation et sa gaieté, sa conversation pétillante d'esprit, tout attirait involontairement vers elle. Le Césarewitch se mit à prendre plaisir à la société de la demoiselle d'honneur de sa femme, puis en vint à lui vouer un culte chevaleresque: la vivacité de son esprit, la franchise et la noblesse de ses jugements la mettaient mieux à même de satisfaire une âme comme celle de ce prince, chevaleresque, éprise de justice et de dévouement au bien public, que la Grande-Duchesse, allemande compassée et méthodique; dans ses qualités d'esprit et de caractère, cette nature nerveuse et dévoyée, à la recherche de son équilibre moral, trouvait un soulagement et un appui.... Mlle Nélidoff prit à la longue un ascendant complet sur l'esprit et le cœur de Paul Pétrowitch, saisit la nature de son caractère, et finit par savoir le gouverner. Dans son enthousiasme, elle en vint à la conviction qu'elle était „destinée par Dieu même" pour préserver Paul et le diriger dans l'intérêt du bien général. La liaison était purement morale, teintée de mysticisme religieux; c'était, dit Paul Ier lui-même, „une amitié sacrée et tendre, mais innocente et pure". Le public ne pouvait comprendre des rapports de cette nature, et, dès 1785, Mlle Nélidoff passait à la Cour et dans la société pour la maîtresse de Paul, que la calomnie porta à redoubler les témoignages publics de sa déférence envers une jeune fille qui souffrait injustement pour lui. La Grande-Duchesse n'attribua d'abord aucune importance à cette intimité, qu'elle fit même servir à ses visées, mais ensuite elle s'en indigna, et Mlle Nélidoff ne s'apercevait pas de toute l'amertume qu'elle amoncelait dans le cœur de l'épouse outragée. A partir de 1795, la demoiselle d'honneur perdit de son empire sur Paul grâce aux intrigues de ses ennemis, mais gagna par contre dans la confiance de la Césarewna, qui s'était découvert en elle une alliée. La brouille devint complète en 1796, et Mlle Nélidoff se retira à Smolna, où elle était fixée depuis quelque temps, ne venant à la Cour que par intervalles. A l'avènement de Paul Ier, elle reprit tout son crédit, et conclut avec Marie Féodorowna une véritable alliance pour le bien de celui qu'elles aimaient toutes deux. Leurs efforts tendaient surtout à préserver le Souverain des accès de colère et des résolutions inconsidérées, à intercéder pour les victimes de la disgrâce, à faire donner les grandes charges à des personnages bien intentionnés et dévoués. Sur les affaires d'état proprement dites, Mlle Nélidoff ne pouvait avoir d'influence: elle manquait et d'opinions politiques arrêtées et de la tournure d'esprit nécessaire, et conserva toujours son exaltation et son sentimentalisme d'institut, sans autres mobiles de conduite que ceux qu'elle trouvait dans son sens moral et dans son cœur. En 1798, les ennemis de l'Impératrice et de Mlle Nélidoff insinuèrent à Paul Ier qu'il était sous la tutelle de sa femme et de la demoiselle d'honneur, gouvernant ensemble sous son nom, et poussèrent Mlle Lopoukhine à la place de Mlle Nélidoff, qui, après le renvoi de Pétersbourg de sa meilleure amie la comtesse Buxhœwden, alla en septembre 1798 la rejoindre au château de Lodé, et n'obtint qu'au commencement de 1800 l'autorisation de rentrer à Smolna. La mort de Paul Ier lui porta un coup terrible; elle vieillit et blanchit rapidement. Jusqu'à la mort de l'Impératrice, elle resta en relations d'amitié avec elle, et sa voix fut d'un grand poids dans les affaires de la famille Impériale. Après, presque complètement oubliée, elle termina ses jours à Smolna, conservant jusqu'au bout son ardeur si particulière et sa conversation séduisante, mais faisant en même temps le désespoir de son entourage avec son humeur grincheuse et son exigence. Elle mourut le 2 janvier 1839 dans les bras de sa nièce et pupille bien aimée la princesse Troubetzkoï, et fut inhumée au cimetière d'Okhta, en face de son cher Smolna.

(D'après l'original de Lévitzky, Grand Palais, Péterhof.)

Пис. Левицкій, 1773 | Peint par Lévitsky, 1773

Екатерина Ивановна Нелидова, 1758 1839

Catherine Ivanowna Nelidoff, 1758 1839

32

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ЛЕВШИНА, 1757—1782, дочь премьеръ-майора Петра Ивановича Левшина и первой жены его, Татьяны Ивановны, рожденной княжны Кольцовой-Масальской, родилась 1 Января 1757 года (годъ рожденія ея въ подписи подъ портретомъ не точенъ). Оставшись всего 4-хъ лѣтъ послѣ смерти матери (отецъ ея вторымъ бракомъ женился на Агаѳьѣ Никитичнѣ Люшиной), она была принята въ Смольный институтъ въ 1764 г., при самомъ основаніи Екатериною Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Въ этомъ заведеніи она пробыла 12 лѣтъ и по окончаніи полнаго курса была выпущена въ 1776 г., съ золотою медалью первой величины, „знакомъ отмѣны“, состоявшимъ изъ золотого вензеля Екатерины на бѣлой лентѣ съ двумя золотыми полосками, и пожизненной пенсіей въ 250 руб. въ годъ. Этихъ наградъ дѣвица Левшина была удостоена, какъ окончившая курсъ четвертой по счету въ числѣ первыхъ шести ученицъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ выпуска, 2 Іюня 1776 г., Левшина была пожалована во фрейлины и взята на житье во дворецъ, а 29 Апрѣля 1780 г. сочеталась бракомъ съ капитаномъ Измайловскаго полка княземъ Петромъ Александровичемъ Черкасскимъ, сыномъ умершаго въ 1749 г. въ Сибири Смоленскаго губернатора князя Александра Андреевича Черкасскаго, сосланнаго при Аннѣ за сочувствіе къ возведенію на престолъ будущаго Императора Петра III.

Бракъ этотъ былъ бездѣтенъ; молодая княгиня Черкасская умерла 25 лѣтъ отъ роду, 26 Августа 1782 г., и погребена въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ (могила ея не сохранилась).

Изъ смолянокъ перваго выпуска А. П. Левшина извѣстна особенною привязанностью къ ней Императрицы Екатерины II, пріобрѣтенною ею при самомъ вступленіи въ заведеніе. Императрица вела съ ней шутливую переписку, называя ее „моя черномазая Левушка“ и увѣряя, что ей скоро придется купить очки, такъ какъ она испортила себѣ зрѣніе разборомъ мелкихъ каракулей своей любимицы. „Mademoiselle, Votre plume, Votre langue et Votre cœur vont à merveille, et en vérité je Vous aime beaucoup“, писала ей Государыня. Въ одной изъ своихъ записокъ къ Левшиной, написанной, когда „Левушка“ была уже въ старшемъ классѣ, называемомъ „бѣлымъ“ по цвѣту платьевъ воспитанницъ, Екатерина оставила намъ и ея портретъ: „grande demoiselle blanche, au teint brunâtre, au nez de perroquet, qui produisait un si grand magasin de voyelles quand j'arrivais ou je partais; écrit aussi naturellement que ses lettres sont remplies d'enjouement, sans affectation et sans recherche“.

На превосходномъ портретѣ Левицкаго, писанномъ въ 1775 г. по заказу Екатерины, Левшина изображена занимающеюся тѣмъ искусствомъ, въ которомъ она наиболѣе отличалась, а именно танцующей, въ костюмѣ, въ которомъ она участвовала на одномъ изъ театральныхъ представленій въ Смольномъ.

(Съ портрета Левицкаго; Петергоѳскій Дворецъ.)

32

ALEXANDRINE PÉTROWNA LEVCHINE, 1757—1782, fille du premier major Pierre Ivanowitch Levchine et de sa première femme, Tatiana Ivanowna, née princesse Koltzoff-Massalsky, naquit le 1er janvier 1757 (la date de naissance donnée sous le portrait est inexacte). Orpheline de mère dès l'âge de 4 ans (son père se remaria à Agathe Nikititchna Liouchine), elle fut admise à Smolna en 1764, l'année même de la fondation par Catherine II de la Société d'Education des Jeunes Filles Nobles. Elle y resta douze ans, y fit toutes ses classes, et en sortit en 1776 avec une médaille d'or de première classe, le Signe de distinction, chiffre en or de l'Impératrice sur ruban blanc à deux bandes dorées, et une pension viagère de 250 roubles par an. Ces récompenses lui furent décernées comme quatrième des six premières de sa promotion de sortie.

Un mois plus tard, le 2 juin 1776, Mlle Levchine fut faite demoiselle d'honneur et logée au Palais, puis elle épousa le 29 avril 1780 le prince Pierre Alexandrowitch Tcherkassky, capitaine au régiment Izmaïlowsky, fils du prince Alexandre Andréewitch Tcherkassky, mort en 1749 en Sibérie, où il avait été relégué sous la régence d'Anne pour son adhésion à l'élévation au trône du futur Empereur Pierre III.

La jeune princesse Tcherkassky n'eut pas d'enfants et mourut à 25 ans le 26 août 1782; elle fut inhumée à Moscou, au monastère Donskoï, où sa sépulture a aujourd'hui disparu.

Dans la première promotion de Smolna, Mlle Levchine est connue pour l'attachement particulier que Catherine II lui témoigna dès son entrée à l'institut. La Souveraine entretenait avec elle une correspondance badine, l'appelant „ma brune Lévouchka" et assurant qu'il lui faudrait bientôt acheter des lunettes, car les pattes de mouche de sa jeune favorite lui avaient abîmé la vue: „Mademoiselle, Votre plume, Votre langue et Votre cœur vont à merveille, et en vérité je Vous aime beaucoup", lui écrivait l'Impératrice. Dans un billet écrit à Lévouchka déjà élève de la plus grande classe, celle des blanches, comme on les appelait à cause de la couleur de leur vêtement, Catherine nous a laissé un portrait d'elle: „grande demoiselle blanche, au teint brunâtre, au nez de perroquet, qui produisait un si grand magasin de voyelles quand j'arrivais ou je partais; écrit aussi naturellement que ses lettres sont remplies d'enjouement, sans affectation et sans recherche".

Le magnifique portrait de Lévitzky, fait en 1775 sur commande de Catherine, représente Mlle Levchine occupée à l'art où elle excellait surtout, la danse, dans le costume avec lequel elle figura à une représentation théâtrale à Smolna.

(D'après l'original de Lévitzky, Palais de Péterhof.)

Пис. Левицкій, 1775 — Peint par Lévitsky, 1775

Александра Петровна Левшина, 1758-1782 | Alexandrine Pétrowna Levchine, 1758-1782

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Княгиня ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА ГАГАРИНА, 1790—1873, дочь статсъ-секретаря Екатерины II, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Александровича Соймонова (р. 1737 г., † 1800 г.) отъ брака съ Екатериной Ивановной Болтиной (р. 1756 г., † 1790 г.), внучка историка И. Н. Болтина, родилась 23 Мая 1790 г.; матери она лишилась при рожденіи и получила воспитаніе подъ руководствомъ француженки Mme Ребюфиль. Дѣтство ея прошло среди раздоровъ между отцомъ и бабушкой ея по матери, хотѣвшей взять внучку къ себѣ на воспитаніе. Дѣло восходило до Екатерины II, но Императрица не пожелала вмѣшиваться въ семейныя дѣла своего секретаря. Подобно своей знаменитой сестрѣ, Софіи Петровнѣ Свѣчиной, и княгиня Е. П. Гагарина перешла въ католичество. По отзывамъ современниковъ, она отличалась высокими достоинствами ума и сердца; между прочимъ, Жуковскій характеризовалъ ее въ одномъ изъ писемъ къ Д. Н. Свербееву, какъ „очень замѣчательную и милую женщину".

Княгиня Гагарина была замужемъ за посланникомъ въ Римѣ и Мюнхенѣ, тайнымъ совѣтникомъ княземъ Григоріемъ Ивановичемъ Гагаринымъ. Княгиня временно расходилась съ мужемъ во время увлеченія послѣдняго знаменитой Маріей Антоновной Нарышкиной. Потомъ за границей супруги жили вмѣстѣ. „Nous avons ici", т.-е. во Флоренціи, пишетъ графъ Ф. Головкинъ 13 Ноября 1816 г., „le prince et la princesse Gagarine, fort agréables l'un et l'autre... Cela" (конецъ близости съ Нарышкиной) „l'a remis avec sa femme, dont cette passion l'avait séparé, et ils paraissent heureux... La princesse Gagarine est intimement liée avec ma nièce Tolstoï par le catholicisme. Elles sont à la tête des femmes de qualité qui ont abjuré et dont le zèle imprudent a causé l'expulsion des Jésuites. Ici, où elles sont libres d'adorer le Dieu de Rome, elles sont d'une mesure extrême, mais à Pétersbourg, elles voulaient le martyre comme les Italiennes veulent un amant".

Отъ брака съ княземъ Г. И. Гагаринымъ, она имѣла 5 сыновей: Григорія (р. 1810 г., † 1893 г.), Евгенія (р. 1811 г., † 1886 г.), Льва (р. 1818 г., † 1892 г.), Ѳеофила (р. 1820 г., † 1853 г.) и Александра (р. 1827 г.). Скончалась княгиня Е. П. Гагарина 27 Февраля 1873 г. и погребена въ Москвѣ, на иновѣрческомъ кладбищѣ, на Введенскихъ горахъ.

(Съ портрета Барбье; собственность М. Г. Раевской, въ С.-Петербургѣ.)

33

La princesse CATHERINE PÉTROWNA GAGARINE, 1790—1873, fille du secrétaire d'état de Catherine II, conseiller privé actuel, Pierre Alexandrowitch Soïmonoff (1737—1800), et de Catherine Ivanowna, née Boltine (1756—1790), était petite-fille de l'historien Boltine et naquit le 23 mai 1790. Elle perdit sa mère en venant au monde et fit son éducation sous la direction d'une française, Mme Rebufil. Son enfance se passa au milieu des disputes de son père avec sa grand'mère, qui voulait l'élever près d'elle: le bruit en parvint jusqu'à Catherine II, qui ne voulut cependant pas se mêler des affaires de famille de son secrétaire. Comme sa célèbre sœur Sophie Svétchine, la princesse Gagarine embrassa le catholicisme. Au témoignage des contemporains, elle se distinguait par de hautes qualités d'esprit et de cœur; Joukowsky, entre autres, la caractérise dans une lettre à Sverbéeff comme „très remarquable et charmante personne".

La princesse avait épousé le prince Grégoire Ivanowitch Gagarine, conseiller privé, ambassadeur à Rome et à Munich, dont elle se sépara quelque temps à l'époque de sa passion pour la fameuse Marie Antonowna Narychkine, puis avec lequel elle revint plus tard, à l'étranger. „Nous avons ici" (à Florence), écrit le comte Th. Golovkine le 13 novembre 1816, „le prince et la princesse Gagarine, fort agréables l'un et l'autre... Cela" (la fin de son intimité avec Mme Narychkine) „l'a remis avec sa femme, dont cette passion l'avait séparé, et ils paraissent fort heureux... La princesse Gagarine est intimement liée avec ma nièce Tolstoï par le catholicisme. Elles sont à la tête des femmes de qualité qui ont abjuré et dont le zèle imprudent a causé l'expulsion des Jésuites. Ici, où elles sont libres d'adorer le Dieu de Rome, elles sont d'une mesure extrême, mais à Pétersbourg, elles voulaient le martyre comme les Italiennes veulent un amant".

La princesse Gagarine eut de son mariage cinq fils, Grégoire (1810—1893), Eugène (1811—1886), Léon (1818—1892), Théophile (1820—1855) et Alexandre (né 1827). Elle mourut le 27 février 1873, et fut inhumée à Moscou, au cimetière des confessions non orthodoxes.

(D'après l'original de Barbier appartenant à Mme M. Raewsky, St-Pétersbourg.)

Пис. Барбье | Peint par Barbier

Княгиня Екатерина Петровна Гагарина, 1790–1873 | La Princesse Catherine Pétrowna Gagarine, 1790–1873

34

ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ВАЛУЕВА, 1757—1836, дочь статскаго совѣтника Александра Родіоновича Кошелева отъ брака съ Анастасіей Егоровной Еремѣевой, была родная сестра члена Государственнаго Совѣта и оберъ-гофмейстера, извѣстнаго мистика и масона Родіона Александровича Кошелева (┼ 1827 г.), лица весьма близкаго къ Императору Александру и друга князя А. Н. Голицына. Дарья Александровна Кошелева въ 1772 г. вышла замужъ за камеръ-юнкера Петра Степановича Валуева (р. 1743 г., ┼ 1814 г.), позднѣе оберъ-церемоніймейстера и начальника Московскаго дворцоваго управленія и Кремлевской экспедиціи.

Отъ этого брака было 4 сына: Петръ (┼ 1812 г.), Александръ (отецъ графа П. А. Валуева), Павелъ и Степанъ (┼ 1844 г.), и 5 дочерей: Екатерина (1774—1848; камеръ-фрейлина), Анна, Софья, Анастасія и Прасковья (за Аксаковымъ).

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность Н. М. Романова, въ С.-Петербургѣ.)

34

DARIA ALEXANDROWNA VALOUÏEFF, 1757—1836, fille du conseiller d'état Alexandre Rodionowitch Kochéleff et d'Anastasie Egorowna, née Ereméeff, était sœur de Rodion Kochéleff († 1827), connu comme mystique et franc-maçon, membre du Conseil de l'Empire et grand maître de la Cour, intime de l'Empereur Alexandre et ami du prince A. Golitzyne. Elle épousa en 1772 Pierre Stépanowitch Valouïeff (1743—1814), gentilhomme de la chambre, dans la suite grand maître des cérémonies et chef de l'administration des Palais de Moscou et de l'expédition du Kremlin.

Elle eut de ce mariage quatre fils, Pierre († 1812), Alexandre, père du comte P. Valouïeff, Paul et Stéphane († 1844), et cinq filles, Catherine (1774—1848), demoiselle d'honneur, Anne, Sophie, Anastasie et Prascovie, mariée à Aksakoff.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à P. Romanoff, St-Pétersbourg.)

Пис Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Дарья Александровна Валуева, 1757-1836 | Daria Alexandrowna Valoueff, 1757-1836

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

МАРІЯ АНТОНОВНА НАРЫШКИНА, 1779—1854, младшая дочь князя Антона Четвертинскаго (см. т. I, №№ 104 и 105), родилась 3 Февраля 1779 г.; Екатериной II была пожалована во фрейлины и въ 1795 году вышла замужъ за Дмитрія Львовича Нарышкина; Державинъ воспѣлъ это событіе въ стихахъ, гдѣ „Дафнисъ" увѣрялъ: „Лишь ты, хозяйка молодая, ‖ Моихъ пребудешь счастьемъ дней!" „Нѣтъ, ты!" отвѣчала Дафна... Но поэтъ, въ своей „пастушеской эклогѣ", оказался плохимъ пророкомъ. Какъ первая красавица, Нарышкина блистала при дворѣ Павла и скоро обратила на себя благосклонное вниманіе Великаго Князя Александра. „Всѣхъ Аспазія милѣй: ‖ Черными очей огнями, ‖ Грудью пышною своей... ‖ Она чувствуетъ, вздыхаетъ, ‖ Нѣжная видна душа, ‖ И сама того не знаетъ, ‖ Чѣмъ всѣхъ больше хороша!" Такъ изобразилъ Нарышкину Державинъ, увѣряя, что „мудрецы по ней вздыхаютъ, и Периклъ въ нее влюбленъ". „Le grand veneur Narychkine", говоритъ графъ Ф. Головкинъ, „était un mari complaisant; au reste, la grâce et la beauté de sa femme, la séduisante Marie Antonowna, ne le touchaient point. Cependant ces charmes étaient suffisamment attrayants pour occuper le cœur d'un puissant monarque, même s'ils n'étaient parés „que d'une simple robe de crêpe blanc et d'une guirlande de ces fleurs bleues qu'on appelle: Ne m'oubliez pas"... „О взаимной ея любви съ Императоромъ Александромъ", писалъ Вигель, „я не позволилъ бы себѣ говорить, если бы для кого-нибудь она оставалась тайной". Но этому сближенію предшествовалъ эпизодъ, о которомъ разсказываетъ графиня Головина въ своихъ „Запискахъ": „На балахъ (1801 г., во время масленицы) Великій Князь Александръ началъ обращать вниманіе на красавицу Нарышкину; у него уже завязывалась интрига, и онъ разсчитывалъ на успѣхъ, когда князь Зубовъ пошутилъ надъ Великимъ Княземъ относительно его ухаживаній за Нарышкиной и сообщилъ ему, что и онъ могъ быть доволенъ ея обращеніемъ. Они обѣщали давать другъ другу отчетъ въ ходѣ своихъ дѣлъ и подтвердили честнымъ словомъ, что имѣющій менѣе успѣха уступитъ другому... Нѣсколько времени спустя, Зубовъ показалъ записочки, которыя были ему переданы Нарышкиной. Великій Князь удалился безъ сожалѣнія, онъ даже выразился съ презрѣніемъ объ этой женщинѣ"... Однако, это продолжалось недолго. Затѣмъ послѣдовали годы взаимной близости, и только лѣтомъ 1814 г. Вигель, которому М. А. покровительствовала, выражалъ сожалѣніе, что „царственная связь, увы! уже совершенно разорвана". Чрезъ мѣсяцъ послѣ рожденія у Нарышкиной сына, послѣдовалъ 30 Августа 1813 г. такой собственноручный рескриптъ Александра Павловича Д. Л. Нарышкину: „Принимая искреннее участіе въ благосостояніи семейства вашего, я, согласно съ желаніемъ вашимъ, полагаю сдѣлать слѣдующее распоряженіе: 1) Все движимое и недвижимое имѣніе, какое оставаться будетъ по кончинѣ вашей, раздѣлить между братомъ Еммануиломъ и сестрами его, Мариною и Софіею, на законномъ основаніи; 2) такимъ образомъ имѣніе, доставшееся Еммануилу и Софіи, оцѣнить, съ тѣмъ, что сумма, какая за оное причтется, заплачена будетъ дочери вашей Маринѣ изъ моего Кабинета. По предстоящей вамъ надобности въ деньгахъ, вы получите при семъ триста тысячъ рублей. Сумма сія въ свое время должна быть вычтена изъ той, которая выше сего назначается въ пользу старшей сестры Марины. Ежели при жизни моей не могъ бы я привести къ совершенію сего постановленія, я возлагаю на наслѣдниковъ моихъ исполнить во всей силѣ и со всей точностью сію столь близкую къ сердцу моему обязанность". Послѣ рескрипта скоро послѣдовалъ разрывъ; по словамъ графини Эделингъ, Нарышкина „сама порвала ту связь, которую не умѣла цѣнить", а графъ Головкинъ въ 1816 г. писалъ изъ Флоренціи: „Nous avons ici le prince et la princesse Gagarine, fort agréables l'un et l'autre; lui a une sorte de célébrité: la belle Narychkine s'en amouracha, leurs amours furent imprudentes; la belle eut injonction de voyager et le secrétaire d'Etat fut congédié"...

Нарышкина умерла 6 Сентября 1854 г. за границей и похоронена въ Мюнхенѣ, на кладбищѣ „Südlicher Friedhof"; у нея было пять дочерей: Марина (р. 1798 г., † 1871 г.), двѣ Елизаветы и Зинаида умерли въ младенчествѣ (въ 1803 г., въ 1804 г. и послѣдняя 18 Іюля 1810 г.), и Софья (р. 1808 г., † 1824 г.); единственный ея сынъ, получившій необычное мистическое имя Эммануила, родился 30 Іюля 1813 г. († 1902 г.), въ то время, когда „Съ нами Богъ" сдѣлалось девизомъ побѣдоноснаго, но уже начавшаго склоняться къ мистицизму Императора Александра.

(Съ портрета, писаннаго въ С.-Петербургѣ, въ 1801 г., подпись Eduard Strocly; собственность А. Н. Нарышкиной.)

MARIE ANTONOWNA NARYCHKINE, 1779—1854, fille cadette du prince Antoine Tchetvertinsky (v. T. I, NNos 104 & 105), naquit le 3 février 1779. Demoiselle d'honneur de Catherine II, elle épousa en 1795 Dmitri Lvowitch Narychkine; Derjavine chanta cet événement dans des vers où Daphnis disait: „Toi seule, ô ma jeune épousée, Feras le bonheur de mes jours!“ et Daphné répondait: „Non, c'est toi!“... Mais l'auteur de cette Pastorale fut mauvais prophète. Mme Narychkine brillait à la Cour de Paul pour sa beauté sans égale, et attira bientôt l'attention bienveillante du Grand-Duc Alexandre. „Aspasie est la plus gentille, Et par le feu de ses yeux noirs, Et par son sein luxuriant... Elle est sensible, elle soupire, On voit qu'elle est une âme tendre; Elle-même elle ne sait pas Ce qui fait qu'elle est la plus belle!“ Ainsi la dépeint Derjavine, et il ajoute: „Les sages soupirent pour elle, Périclès en est amoureux“. „Le grand veneur Narychkine“, dit le comte T. Golovkine, „était un mari complaisant; au reste, la grâce et la beauté de sa femme ne le touchaient point. Cependant ces charmes étaient suffisamment attrayants pour occuper le cœur d'un puissant monarque, même s'ils n'étaient parés „que d'une simple robe de crêpe blanc et d'une guirlande de ces fleurs qu'on appelle: Ne m'oubliez pas“... „De leur amour réciproque avec l'Empereur Alexandre“, dit Wiegel, „je ne me permettrais pas de parler, si c'était encore un secret pour quelqu'un“. Mais le rapprochement fut précédé d'un épisode raconté par la comtesse Golovine dans ses Mémoires: „Aux bals“ (du carnaval 1801), „le Grand-Duc Alexandre commença à faire attention à la belle Narychkine; il avait déjà noué une intrigue et comptait sur le succès, quand le comte Zouboff le plaisanta sur ses assiduités, en ajoutant que lui non plus n'avait pas à se plaindre d'elle. Ils se promirent de se tenir mutuellement au courant de la marche des affaires et se donnèrent leur parole que le moins heureux céderait la place à l'autre... Zouboff montra peu après des billets de Mme Narychkine. Le Grand-Duc se retira sans regret, s'exprimant même avec mépris sur cette femme“... Pour peu de temps, cependant! Ce furent ensuite des années d'intimité, et seulement à l'été de 1814, Wiegel, protégé de Mme Narychkine, exprime le regret de voir „la liaison royale maintenant, hélas! complètement rompue“. Un mois après la naissance du fils de Mme Narychkine, Alexandre avait donné, le 30 août 1813, un rescrit autographe au nom de son mari, ainsi conçu: „Prenant un sincère intérêt au bien-être de votre famille, j'ai arrêté, conformément à votre désir, les dispositions suivantes: 1) Tous les biens meubles et immeubles laissés à votre décès seront partagés entre le frère Emmanuel et ses sœurs Marine et Sophie, selon la loi; 2) Il sera fait en conséquence une estimation de la propriété donnée à Emmanuel et Sophie, et le montant de l'évaluation en sera versé à votre fille Marine par mon Cabinet. Pour vos besoins immédiats, vous recevrez ci-joint trois cent mille roubles, à valoir sur la somme portée plus haut comme revenant à votre aînée Marine. Si je ne pouvais, de mon vivant, mettre à exécution moi-même ces dispositions, je charge mes héritiers de remplir en toute vigueur et ponctualité cette obligation si chère à mon cœur“. La rupture suivit de près; au témoignage de la comtesse Edeling, ce fut Mme Narychkine qui „rompit elle-même cette liaison, qu'elle ne savait pas apprécier“, et le comte Golovkine écrit de Florence en 1816: „Nous avons ici le prince et la princesse Gagarine, fort agréables l'un et l'autre; lui a une sorte de célébrité: la belle Narychkine s'en amouracha, leurs amours furent imprudentes; la belle eut injonction de voyager et le secrétaire d'Etat fut congédié“.

Mme Narychkine mourut le 6 septembre 1854 à l'étranger, et fut inhumée à Munich, au cimetière Südlicher Friedhof. Elle eut cinq filles: Marine (1798—1871), deux Elisabeth et Zénaïde, mortes en bas âge en 1803, 1804 et le 18 juillet 1810, et Sophie (1808—1824); son unique fils († 1902), qui reçut le peu ordinaire prénom mystique d'Emmanuel, était né le 30 juillet 1813, à l'époque où, victorieux, mais versant déjà dans le mysticisme, l'Empereur Alexandre avait pris pour devise: Dieu avec Nous!

(D'après un original fait à St-Pétersbourg en 1801 et signé Eduard Strocly, appartenant à Mme A. Narychkine.)

Марія Антоновна Нарышкина, 1779–1854 | *Marie Antonowna Narychkine, 1779–1854*

36

ДМИТРІЙ ЛЬВОВИЧЪ НАРЫШКИНЪ, 1764—1838, сынъ оберъ-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина отъ брака съ племянницей графа А. Г. Разумовскаго Марiей Осиповной Закревской, родился 30 Мая 1764 года. Сынъ одного изъ ближайшихъ къ Екатеринѣ II придворныхъ сановниковъ, Нарышкинъ пользовался расположенiемъ Императрицы и 1 Января 1793 года пожалованъ въ камергеры; 6 Августа 1798 г. онъ получилъ званiе гофмейстера, а въ 1804 г. сдѣланъ оберъ-егермейстеромъ. Умеръ Д. Л. Нарышкинъ 31 Марта 1838 года и погребенъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

Булгаринъ называетъ Нарышкина „прекраснымъ мужчиной, истинно аристократической наружности". По отзыву Вигеля, онъ „принадлежалъ къ небольшому остатку придворныхъ вельможъ прежняго времени; со всѣми былъ непринужденно учтивъ, благороденъ сердцемъ и манерами, но такъ же, какъ почти всѣ они, сластолюбивъ, роскошенъ, расточителенъ, при умѣ и характерѣ не весьма твердомъ". Обладая 25.000 душъ крестьянъ, Нарышкинъ славился своимъ изысканнымъ хлѣбосольствомъ и оркестромъ роговой музыки, увеселявшимъ игрою на золоченыхъ рогахъ аристократическое общество, собиравшееся на роскошной дачѣ Нарышкина, на Каменномъ Островѣ. Предоставляя приказчикамъ управленiе своими вотчинами, Нарышкинъ былъ не прочь разыграть роль патрiархальнаго помѣщика-отца: въ церкви родовой Нарышкинской подмосковной вотчины, с. Покровскаго на Филяхъ, находится образъ Спасителя, которымъ, какъ гласитъ надпись, Д. Л. Нарышкинъ „благословилъ" своихъ крестьянъ въ 1819 году, въ бытность свою въ с. Покровскомъ „со всею фамилiею". Въ 1795 г. онъ вступилъ въ бракъ съ княжной Марiей Антоновной Четвертинской. Державинъ привѣтствовалъ „новоселье молодыхъ" пастушеской эклогой, въ которой „Дафна"-Четвертинская надѣялась „вкушать златыхъ дней токъ" съ помощью „Дафниса"-Нарышкина. Но пожеланiя поэта не осуществились, и бракъ Нарышкиныхъ не былъ благословленъ любовью и вѣрностью. „Неестественная, невозможная", по отзыву очевидцевъ, красота Нарышкиной возбудила страсть въ Александрѣ I. Стихотворцы, подобные Державину, признавая, что „мудрецы по ней вздыхаютъ, и Периклъ въ нее влюбленъ", еще пытались опровергать „злыя молвы" насчетъ репутацiи новой „Аспазiи", но прозаики не скрывали истины. „О взаимной любви ея съ Императоромъ Александромъ", писалъ Вигель, „я не позволилъ бы себѣ говорить, если бы для кого-нибудь она оставалась тайной". Тотъ же Вигель лѣтомъ 1814 г. выражалъ сожалѣнiе, что полезная для его личныхъ видовъ на протекцiю „царственная связь, увы! уже совершенно разорвалась".

Д. Л. Нарышкинъ занималъ невидное и довольно двусмысленное положенiе среди „свободно почтительнаго съ хозяйкой" веселаго общества въ своемъ роскошномъ домѣ, получившемъ отъ Александра I имя „Капуи" за исполненную нѣги и наслажденiй атмосферу въ „храмѣ красоты", какъ Вигель называлъ внутреннiе апартаменты Нарышкиной. По наблюденiю современниковъ, Дмитрiй Львовичъ, „повидимому, не пользовался отношенiями, существовавшими между монархомъ и его супругой", да едва ли и былъ способенъ на это по своему „нетвердому" уму и характеру. Въ концѣ концовъ „широкое барское житье" привело къ учрежденiю надъ нимъ попечительства, по требованiю его супруги, не мало способствовавшей разстройству его состоянiя, и престарѣлый оберъ-егермейстеръ на склонѣ дней получалъ на расходъ лишь по 40.000 руб. асс. въ годъ.

(Съ портрета Гуттенбрунна; собственность А. Н. Нарышкиной, въ С.-Петербургѣ.)

DMITRI LVOWITCH NARYCHKINE, 1764—1838, fils de Léon Alexandrowitch Narychkine, grand écuyer, et de Marine Ossipowna, née Zakrewsky, nièce du comte A. Razoumowsky, naquit le 30 mai 1764. Fils d'un des dignitaires de la Cour les plus intimes de Catherine II, il jouissait de la faveur de l'Impératrice, et, le 1er janvier 1793, fut fait chambellan; maître de la Cour le 6 août 1798, il devint en 1804 grand veneur. Il mourut le 31 mars 1838 et fut inhumé dans l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky.

Boulgarine appelle Narychkine „un bel homme, à l'extérieur vraiment aristocratique". Au témoignage de Wiegel, il „était du petit nombre des courtisans grands seigneurs restés de l'époque précédente; il avait leur courtoisie sans contrainte envers tout le monde, leur noblesse de cœur et de manières, joignant d'ailleurs, comme presque tous, au goût de la volupté et du faste et à la prodigalité un certain manque de fermeté d'âme et de caractère". Possesseur de 25.000 têtes de paysans, il était réputé pour son hospitalité raffinée et l'orchestre de cors dorés qu'il faisait jouer pour l'aristocratique société des invités de sa luxueuse villa de Kamenny-Ostroff. Laissant à des intendants le soin d'administrer ses domaines, il était assez porté à jouer, comme propriétaire, le rôle patriarcal de père de ses paysans: l'église du domaine patrimonial des Narychkine, à Pokrowskoïé, près Moscou, renferme une image du Sauveur, avec laquelle, dit une inscription, il les „bénit" lorsqu'il vint en 1819 „avec toute sa famille". Il épousa en 1795 la princesse Marie Antonowna Tchetvertinsky. Derjavine composa en l'honneur des nouveaux mariés une pastorale, où Daphné-Tchetvertinsky espérait „Goûter de jours dorés le cours" avec Daphnis-Narychkine. Mais les vœux du poète ne se réalisèrent pas, et l'union ne fut couronnée ni d'amour ni de fidélité. La beauté „surnaturelle, invraisemblable", au témoignage des contemporains, de Mme Narychkine, excita la passion d'Alexandre Ier. La poésie, à l'exemple de Derjavine, tout en reconnaissant que „Les sages soupirent pour elle, Périclès en est amoureux", contestaient bien les „mauvais propos" touchant la réputation de la nouvelle Aspasie; mais, en prose, on ne cachait pas la vérité. „De leur amour réciproque avec l'Empereur Alexandre", dit Wiegel, „je ne me permettrais pas de parler, si c'était encore un secret pour quelqu'un". Le même Wiegel exprime à l'été de 1814 le regret de voir „maintenant, hélas! complètement rompue cette liaison royale", qui pouvait lui procurer une protection personnelle.

Narychkine avait une position effacée et assez ambiguë parmi la société joyeuse et „libre de ses hommages à Madame" qui se réunissait dans la luxueuse maison surnommée Capoue par Alexandre Ier pour l'atmosphère de mollesse et de jouissances du „Temple de la Beauté", comme Wiegel appelait les appartements particuliers de Mme Narychkine. Le mari, au témoignage des contemporains, „ne semblait pas tirer parti des rapports du Monarque et de sa femme", et n'en était d'ailleurs guère capable, en raison de son „manque de fermeté" d'âme et de caractère. Le grand train de vie des Narychkine aboutit à un conseil judiciaire, sur la demande de la femme, qui n'avait pas peu contribué à ruiner son mari, et le vieux grand veneur en fut réduit sur son déclin à un budget de 40.000 roubles par an.

(D'après un original de Guttenbrunn, appartenant à Mme A. Narychkine, St-Pétersbourg.)

Пис. Гуттенбруннъ | Peint par Guttenbrunn

Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ, 1758-1838 | Dmitri Lvowitch Naryschkine, 1758-1838

37

Графиня МАРИНА ДМИТРІЕВНА ГУРЬЕВА, 1798—1871, старшая дочь оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича Нарышкина отъ брака съ извѣстной фавориткой Александра I княжной Маріей Антоновной Четвертинской. Съ 1819 года она была замужемъ за посланникомъ въ Гаагѣ, Римѣ и Неаполѣ, тайнымъ совѣтникомъ графомъ Николаемъ Дмитріевичемъ Гурьевымъ († 21 Февраля 1849 г.) и имѣла одного сына, Александра, и двухъ дочерей, Ольгу (р. 1820 г., † 1853 г.; за княземъ В. Б. Святополкъ-Четвертинскимъ) и Александру (р. 1825 г.; за княземъ Н. Н. Гагаринымъ).

Графиня М. Д. Гурьева скончалась 11 Августа 1871 года.

Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ признавалъ Марину Дмитріевну несомнѣнно своей дочерью и ей одной желалъ оставить все свое состояніе; графиня Гурьева отличалась блестящей красотой, унаслѣдовавъ ее отъ матери, на которую походила и своимъ характеромъ. По словамъ Ф. И. Іордана въ его „Запискахъ“, графиня Гурьева была „очень легкомысленна и являла особое вниманіе къ банкиру Александру Торлони“...

(Съ портрета, принадлежащаго А. Н. Нарышкиной, въ С.-Петербургѣ.)

37

La comtesse **MARINE DMITRIEWNA GOURIEFF**, 1798 — 1871, fille aînée du grand veneur Dmitri Lvowitch Narychkine et de la célèbre favorite d'Alexandre Ier, Marie Antonowna, née princesse Tchetvertinsky, épousa en 1819 le comte Nicolas Dmitriewitch Gourieff († 21 février 1849), conseiller privé, ambassadeur à La Haye, à Rome et à Naples, dont elle eut un fils, Alexandre, et deux filles, Olga (1820—1853), mariée au prince Sviatopolk-Tchetvertinsky, et Alexandrine (née 1825), mariée au prince N. Gagarine.

La comtesse Gourieff mourut le 11 août 1871.

Dmitri Lvowitch Narychkine la considérait vraiment comme sa fille et tint à la faire son unique héritière. Elle était d'une beauté remarquable, qu'elle tenait de sa mère, dont elle avait également le caractère. Au témoignage de Jordan dans ses Mémoires, elle était très frivole et distinguait particulièrement le banquier Alexandre Torloni...

(D'après un original appartenant à Mme A. Narychkine, St-Pétersbourg.)

Графиня Марина Дмитріевна Гурьева. 1798–1871 | *La Comtesse Marine Dmitriewna Gourieff, 1798–1871*

[illegible] Бумагъ. [illegible] des papiers [illegible]

38

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ КРИВЦОВЪ, 1806—1844, сынъ Ивана Васильевича Кривцова отъ брака съ Вѣрой Ивановной Карповой, родился въ 1806 г.; воспитывался, вмѣстѣ съ братомъ Сергѣемъ, впослѣдствіи декабристомъ, на иждивеніи Императора Александра Павловича, въ Гофвилѣ, въ пансіонѣ знаменитаго Феленберга. На службу П. И. Кривцовъ поступилъ очень рано: уже въ Мартѣ 1823 г. онъ былъ опредѣленъ актуаріусомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, съ причисленіемъ къ нашей миссіи въ Берлинѣ; въ Августѣ 1826 г. Кривцовъ перевелся въ Римъ, гдѣ и протекла вся его дальнѣйшая служба, сначала въ качествѣ второго секретаря посольства, затѣмъ (съ Декабря 1834 г.) перваго, а съ Января 1840 года—въ должности начальника надъ русскими художниками въ Римѣ, посылаемыми туда для усовершенствованія; кромѣ того, онъ неоднократно исправлялъ обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ придворномъ званіи П. И. Кривцовъ находился съ 1828 г., когда былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а съ 1835 г. былъ въ званіи камергера. Онъ умеръ 12 Августа 1844 года въ Любичахъ, имѣніи его брата Николая, въ Тамбовской губерніи, въ той самой комнатѣ, гдѣ скончался П. И. Кривцовъ.

О Кривцовѣ сохранилось не мало отзывовъ современниковъ, художниковъ и писателей, жившихъ въ Римѣ, или посѣщавшихъ Вѣчный Городъ. Отзывы эти нѣсколько сдержаны (отзывъ Гоголя даже суровъ), но въ общемъ всѣ удостовѣряютъ, что онъ былъ „ласковъ“, любезенъ и пользовался расположеніемъ художниковъ, бывшихъ подъ его наблюденіемъ и, между прочимъ, оставившихъ въ его альбомѣ знаки своихъ къ нему симпатій. Между прочимъ, въ Римѣ написалъ портретъ П. И. Кривцова и, какъ говорятъ, очень удачно Каневскій. (По словамъ В. В. Стасова, послѣ смерти Кривцова художественный альбомъ его перешелъ по наслѣдству къ зятю его, Николаю Михайловичу Орлову.) Одинъ изъ современниковъ такъ охарактеризовалъ П. И. Кривцова: „Кривцовъ представлялъ собой типъ русскаго барина добраго стараго времени, не лишеннаго, впрочемъ, здраваго взгляда вообще и даже на искусство; такъ, составленный имъ проектъ объ учрежденіи мозаическаго отдѣленія, по разсмотрѣніи совѣтомъ Академіи Художествъ, одобренъ былъ вполнѣ, и признано, что, дѣйствительно, ни въ одной изъ странъ Европы нельзя столь удобно и съ наименьшимъ расходомъ учредить такое отдѣленіе, какъ въ Россіи“.

П. И. Кривцовъ былъ женатъ (съ 1837 г.) на княжнѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Репниной (р. 1817 г., † 1855 г.); отъ этого брака онъ имѣлъ одного сына, Николая, и дочь Ольгу, бывшую въ замужествѣ за Н. М. Орловымъ.

(Съ портрета К. Брюллова; собственность Е. Н. Орловой, въ Москвѣ.)

PAUL IVANOWITCH KRIVTZOFF, 1806—1844, fils d'Ivan Vassiliewitch Krivtzoff et de Véra Ivanowna, née Karpoff, naquit en 1806, et fit son éducation, ainsi que son frère Serge, plus tard décabriste, aux frais de l'Empereur Alexandre, à Hofvill, dans la pension bien connue Fehlenberg. Il entra tout jeune au service: dès 1825, en mars, actuaire au Collège des Affaires étrangères, il fut attaché à notre mission de Berlin. En août 1826, il passa à Rome, où il fit toute sa carrière ultérieure, comme deuxième, puis (décembre 1834) premier secrétaire d'ambassade, et, depuis janvier 1840, comme chef des artistes russes que l'Académie des Beaux-Arts envoyait se perfectionner à Rome; il remplit de plus à plusieurs reprises les fonctions de chargé d'affaires. A la Cour, il fut gentilhomme de la chambre en 1828 et chambellan en 1835. Il mourut le 12 août 1844 dans la propriété de son frère Nicolas, à Loubitchi, gouvernement de Tamboff, dans la même chambre où mourut son frère.

On a sur Krivtzoff nombre de témoignages de contemporains, artistes et écrivains, ayant habité ou passé à Rome. Les appréciations, toutes plutôt modérées (celle de Gogol est même sévère), sont pourtant unanimes à le représenter comme „affable", aimable et bien vu des artistes placés sous sa surveillance, qui laissèrent d'ailleurs dans son album des traces de leur sympathie. Ainsi, à Rome, Kanewsky fit de lui un portrait, dit-on, très réussi. (Au témoignage de V. Stassoff, son album d'artiste passa après sa mort à son gendre et héritier Nicolas Mikhaïlowitch Orloff.) Un contemporain donne de lui la caractéristique suivante: „Krivtzoff était un type de seigneur russe du bon vieux temps, non dépourvu d'ailleurs de jugement en général, et en particulier en matière d'art: ainsi son projet de Section de Mosaïque fut, après examen, entièrement approuvé par le Conseil de l'Académie des Beaux-Arts, qui estima qu'effectivement, dans aucun pays d'Europe un tel projet ne serait plus facile et moins coûteux à réaliser qu'en Russie".

Krivtzoff épousa en 1837 la princesse Elisabeth Nikolaewna Repnine (1817—1855). Il eut de ce mariage un fils Nicolas et une fille Olga, mariée à N. Orloff.

(D'après l'original de Brulloff appartenant à Mlle C. Orloff, Moscou.)

Пис. К. Брюловъ | Peint par Ch. Brulloff

Павелъ Ивановичъ Кривцовъ, 1806-1844 | Paul Ivanowitch Krivtzoff, 1806-1844

39

СОФІЯ ПЕТРОВНА АПРАКСИНА, 1802—1886, дочь извѣстнаго генерала, русскаго посла въ Парижѣ, графа Петра Александровича Толстого, отъ брака его съ княжной Маріей Алексѣевной Голицыной (см. т. I, №№ 38 и 185), родилась 3 Апрѣля 1802 г.; 16-и лѣтъ она вышла замужъ за сына извѣстнаго Московскаго старожила и богача, флигель-адъютанта Владиміра Степановича Апраксина.

Отъ этого брака у нея было четверо дѣтей: Наталія (р. 5 Мая 1820 г., † 24 Сентября 1853 г.; дѣвица), Викторъ (р. 1822 г., † 19 Января 1898 г.), Петръ (р. 11 Августа 1824 г., † 7 Марта 1831 г.) и Марія (р. 1827 г., † 4 Апрѣля 1887 г.; за княземъ Мещерскимъ).

Рано овдовѣвъ, 1 Іюня 1833 г., С. П. Апраксина посвятила себя всецѣло воспитанію дѣтей, а также уходу за престарѣлымъ одинокимъ отцомъ, графомъ П. А. Толстымъ (1769—1844), и заботамъ о своей младшей сестрѣ Евдокіи (р. 1817 г.), вышедшей впослѣдствіи замужъ за графа А. Д. Гурьева. Съ 1848 г. она была гофмейстериною при дворѣ Великой Княгини Александры Іосифовны, но оставила эту должность въ 1854 г., потерявъ свою старшую дочь Наталію. С. П. Апраксина скончалась 4 Ноября 1886 г. и похоронена въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ мужемъ.

По свидѣтельству современницы, въ 1818 г. „молодая Апраксина была прекрасна собой: свѣжа и румяна, совершенная роза“; лицо, хорошо знавшее С. П. Апраксину, пишетъ: „Она была самой обворожительной красавицей; восхитительная, граціозная, умная, серіозная, достаточно образованная и весьма начитанная, прелестная свѣтская барыня, она въ то же время была строго православная, глубоко вѣрующая женщина, съ твердыми, какъ кремень, правилами и убѣжденіями, пылкая, не знающая компромиссовъ, въ то же время она была добра, доступна и готова всегда помочь всякому нуждающемуся“.

(Съ портрета Риссъ; собственность А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

39

SOPHIE PETROWNA APRAXINE, 1802—1886, fille du comte Pierre Alexandrowitch Tolstoï, général, connu comme ambassadeur russe à Paris, et de Marie Alexéewna, née princesse Golitzyne (v. T. I, №№ 38 et 185), naquit le 3 avril 1802. Elle épousa, à l'âge de 16 ans, Vladimir Stépanowitch Apraxine, aide de camp de Sa Majesté, dont le père est connu comme moscovite de souche et richard.

Elle eut de ce mariage quatre enfants: Natalie (5 mai 1820—24 septembre 1853), non mariée, Victor (1822—19 janvier 1898), Pierre (11 août 1824—7 mars 1831) et Marie (1827—4 avril 1887), mariée au prince Mechtchersky.

Devenue veuve de bonne heure, le 1er juin 1833, Mme Apraxine se consacra entièrement à l'éducation de ses enfants, ainsi qu'aux soins de son vieux père resté seul, le comte P. Tolstoï (1769—1844), et de sa plus jeune sœur Eudoxie (née 1817), mariée dans la suite au comte A. Gourieff. Elle devint en 1848 maîtresse de la Cour de la Grande-Duchesse Constantin, mais renonça à cette dignité en 1854, à la mort de sa fille aînée Natalie. Elle mourut le 4 novembre 1886, et fut inhumée à Moscou, au monastère Novodévitchi, près de son mari.

Au témoignage d'une contemporaine, en 1818, „la jeune Apraxine était très belle: une fraîcheur et un teint de rose". Quelqu'un qui la connut bien écrit: „Elle était tout ce qu'il y a d'enchanteur; ravissante, gracieuse, de l'esprit, du sérieux, assez d'instruction et beaucoup de lectures; charmante mondaine, elle était en même temps d'une rigoureuse orthodoxie et d'une foi profonde, ferme comme un roc dans ses principes et ses convictions, ardente, étrangère aux compromis, d'ailleurs bonne, accessible et toujours prête à venir en aide".

(D'après un original de Riss appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouvernement de Moscou.)

Пис. Рисъ

Point par Riss

Софія Петровна
Апраксина, 1802-1886

Sophie Pétrowna
Apraxine, 1802-1886

ИВАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ РИБОПЬЕРЪ, 1750—1790, происходилъ отъ младшей вѣтви знатной Эльзасской фамиліи Ribeaupierre (Rappolstein), состоявшей въ родствѣ съ баварскими Виттельсбахами, и былъ сынъ друга Вольтера Марка-Стефана де-Рибопьера. Онъ выросъ на Женевскомъ озерѣ въ замкѣ La Liguière и получилъ образованіе въ Тюбингенскомъ университетѣ. По примѣру многихъ швейцарцевъ, искавшихъ счастія на чужбинѣ, и своихъ двухъ старшихъ братьевъ, служившихъ въ испанской службѣ, Рибопьеръ сначала добылъ патентъ на чинъ лейтенанта голландской службы, а затѣмъ въ концѣ 70-хъ годовъ отправился въ Россію и, благодаря завязавшемуся въ Тюбингенѣ знакомству съ княземъ Н. Б. Юсуповымъ и С. С. Апраксинымъ и особенно рекомендательному письму Вольтера, былъ назначенъ адъютантомъ Потемкина. Свое положеніе при Дворѣ Рибопьеръ закрѣпилъ бракомъ съ фрейлиной Аграфеной Александровной Бибиковой, находившейся подъ особымъ покровительствомъ Екатерины II, и главнымъ образомъ дружбой съ фаворитомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, который, по собственному признанію, „почти жить не могъ безъ Ивана Степановича". Получивъ при содѣйствіи Мамонова чинъ бригадира, Рибопьеръ послѣ удаленія отъ Двора фаворита отправился въ дѣйствовавшую противъ турокъ армію и былъ убитъ при штурмѣ Измаила 11 Декабря 1790 года.

Отъ брака съ А. А. Бибиковой, Рибопьеръ имѣлъ сына Александра, получившаго впослѣдствіи графскій титулъ, и трехъ дочерей: Анастасію, Елизавету, бывшую въ замужествѣ за Александромъ Александровичемъ Полянскимъ, сыномъ фаворитки Петра III, графини Елизаветы Романовны Воронцовой, и Екатерину, бывшую въ замужествѣ за А. В. Зыбинымъ.

Умный, красивый, обладавшій изящными манерами Рибопьеръ производилъ чарующее впечатлѣніе на людей, имѣвшихъ съ нимъ дѣло. По отзывамъ современниковъ, „il était chéri de toute sa famille et généralement de ses compatriotes". Хитрый и ловкій, прозванный за сдержанность „dieu du silence", онъ умѣлъ нравиться людямъ разныхъ взглядовъ и положеній. Онъ былъ другомъ Лагарпа и, какъ утверждаютъ, рекомендовалъ его въ наставники Великаго Князя Александра Павловича. При тѣсныхъ связяхъ съ заграничными либералами и „философами", Рибопьеръ дѣятельно ухаживалъ за Мамоновымъ, „просиживая у Его Превосходительства часто до 3-хъ часовъ ночи", и удостоился быть приглашеннымъ на интимныя Эрмитажныя собранія Екатерины II. Иные, впрочемъ, какъ Безбородко, считали этого блестящаго авантюриста безпринципнымъ и вреднымъ интриганомъ. Между прочимъ его обвиняли въ томъ, что онъ обманулъ Екатерину, устроивъ бракъ Мамонова со своей свойственницей, княжной Дарьей Ѳедоровной Щербатовой. Доказавшій свою храбрость своей смертью, „tragique et glorieuse", Рибопьеръ не былъ способенъ рисковать своей придворной карьерой и „былъ блѣденъ, какъ платокъ", когда ему пришлось оправдываться передъ оскорбленной измѣной Мамонова престарѣлой Императрицей. „Я позвала", писала Екатерина Потемкину послѣ разрыва съ фаворитомъ въ Іюнѣ 1789 г., „Рибопьера, который былъ конфидентомъ въ теченіе года. Я его нашла нѣмымъ и трепещущимъ: я сказала ему, что они напрасно скрывали все это и обманывали меня въ продолженіе года и, что еще хуже, не открылись вамъ".

(Съ портрета Левицкаго, 1789 г.; собственность графа Г. И. Рибопьера, въ С.-Петербургѣ.)

IVAN STÉPANOWITCH RIBEAUPIERRE, 1750—1790, de la branche cadette de la famille notable d'Alsace des Ribeaupierre (Rappolstein), apparentée aux Wittelsbach de Bavière, était fils de Marc-Stéphane de Ribeaupierre, l'ami de Voltaire. Il grandit au château de La Liguière, sur les bords du lac de Genève, et fit ses études à l'université de Tubingen. A l'exemple de beaucoup de Suisses qui cherchaient fortune à l'étranger, et de ses deux frères aînés, entrés au service de l'Espagne, il se fit donner d'abord un brevet de lieutenant de l'armée hollandaise, puis, à la fin des années 70, se rendit en Russie, et, grâce aux relations qu'il avait nouées à Tubingen avec le prince N. Youssoupoff et S. Apraxine, et surtout à une lettre de recommandation de Voltaire, fut nommé aide de camp de Potemkine. Il affermit sa situation à la Cour par son mariage avec la demoiselle d'honneur Agrippine Alexandrowna Bibikoff, favorisée de la protection spéciale de Catherine II, et surtout par son amitié avec le favori Dmitrieff-Mamonoff, qui, de son propre aveu, „ne pouvait guère vivre sans Ribeaupierre". Promu brigadier grâce à son intermédiaire, il alla, lors de la disgrâce du favori, à l'armée de Turquie, et périt à l'assaut d'Ismaïl le 11 décembre 1790.

De son mariage avec Agrippine Bibikoff, Ribeaupierre eut un fils Alexandre, qui reçut dans la suite le titre de comte, et trois filles, Anastasie, Elisabeth, qui épousa Alexandre Alexandrowitch Poliansky, fils de la comtesse Elisabeth Worontzoff, favorite de Pierre III, et Catherine, qui épousa A. Zybine.

Intelligent et bel homme aux manières élégantes, Ribeaupierre produisait sur quiconque l'approchait une impression fascinatrice. Au témoignage des contemporains, „il était chéri de toute sa famille et généralement de ses compatriotes". Rusé et adroit, d'une réserve qui l'avait fait surnommer le dieu du silence, il savait plaire à des gens de toute espèce d'opinions et de positions. Ami de La Harpe, il le recommanda, dit-on, comme précepteur du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. En relations étroites avec les libéraux et „philosophes" de l'étranger, il fit une cour assidue à Mamonoff, „restant souvent chez Son Excellence jusqu'à trois heures du matin", et eut l'honneur d'être admis par Catherine II à ses réunions intimes de l'Ermitage. Quelques-uns d'ailleurs, comme Bezborodko, regardaient ce brillant aventurier comme un intrigant sans principes et nuisible. On lui reprochait, entre autres choses, d'avoir trompé Catherine en arrangeant le mariage de Mamonoff avec sa parente par alliance, la princesse Daria Féodorowna Chtcherbatoff. Ribeaupierre, qui prouva sa bravoure par sa mort „tragique et glorieuse", n'était pas homme à risquer sa carrière à la Cour, et c'est „pâle comme un linge" qu'il vint se justifier devant l'Impératrice vieillissante, blessée de la trahison de Mamonoff. „J'ai fait venir", écrivait Catherine à Potemkine après la rupture avec le favori en juin 1789, „Ribeaupierre, qui a été confident un an. Je l'ai trouvé muet et tremblant: je lui ai dit qu'ils avaient eu tort de cacher tout cela, de me tromper toute une année, et, qui pis est, de ne rien vous dire".

(D'après un original de Lévitzky, 1789, appartenant au comte G. Ribeaupierre, St-Pétersbourg.)

Пис. Левицкій, 1789 | Peint par Lévitsky, 1789

Иванъ Степановичъ
Рибопьеръ, 1750-1790

Ivan Stepanowitch
Ribeaupierre, 1750-1790

41

СЕРГѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ, 1771—1831, и его жена, **ЕЛЕНА ПЕТРОВНА**, 1774—1823, съ ихъ дѣтьми.

Сергѣй Васильевичъ Толстой, гвардіи капитанъ-поручикъ, сынъ полковника Василія Ивановича отъ брака съ Александрой Ивановной Майковой (р. 26 Мая 1737 г., † 28 Января 1812 г.), родился 16 Октября 1771 года; умеръ 60 лѣтъ, 4 Августа 1831 года.

Жена его, Елена Петровна, родилась 20 Апрѣля 1774 г. и была старшая дочь генерала-отъ-инфантеріи князя Петра Петровича Долгорукаго (р. 1744 г., † 1815 г.), женатаго на Анастасіи Симоновнѣ Лаптевой († 1827 г.), и старшая сестра извѣстныхъ князей Петра (р. 1777 г., † 1806 г.) и Михаила (р. 1780 г.; убитъ при Иденсальми 15 Октября 1809 г.), сподвижниковъ Александра I въ первые годы его царствованія. Е. П. Толстая была очень любима послѣднимъ братомъ и снабжала его деньгами во время поѣздки его въ Парижъ курьеромъ въ 1800 году. Въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ князь М. П. Долгорукій говоритъ: „Я думаю, что для меня хорошо было бы пріучиться немного къ обществу. Слышу за 600 миль, что ты говоришь: „И очень! и очень!“—Извините-съ, совсѣмъ не нужно, особенно для меня, который всегда одинаковаго духа, какъ ты очень хорошо знаешь. Посылаю тебѣ 3 тетради Гайдна; можетъ-быть, ты знаешь многія изъ этихъ пьесъ, но ораторіумъ совсѣмъ новая вещь, онъ всего 2 недѣли что напечатанъ, онъ прекрасенъ; прошу забыть твою лѣнь и садиться за клавикорды“.—„Мой поклонъ твоему мужу, котораго я очень люблю“, пишетъ онъ другой разъ; „поцѣлуй Василія отъ меня... Прощай, я началъ было фразу, которую не успѣлъ бы кончить до воскресенія, дѣло въ томъ, что я тебя очень люблю!“

Е. П. Толстая скончалась 22 Февраля 1823 г. и похоронена въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ. У Толстыхъ были дѣти: Василій (полковникъ; р. 15 Января 1797 г., † въ Пятигорскѣ 25 Августа 1839 г.), Владиміръ (р. 1806 г.; декабристъ) и дочь Александра (съ 29 Апрѣля 1823 г. за графомъ А. Н. Панинымъ).

(Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ С. А. Щербатовой, въ С.-Петербургѣ.)

41

SERGE VASSILIEWITCH TOLSTOÏ, 1771—1831, et sa femme, HÉLENE PÉTROWNA, 1774—1823, avec leurs enfants.

Serge Vassiliewitch Tolstoï, capitaine-lieutenant de la Garde, fils du colonel Basile Ivanowitch Tolstoï et d'Alexandrine Ivanowna, née Maïkoff (26 mai 1737—28 janvier 1812), naquit le 16 octobre 1771. Il mourut à 60 ans, le 4 août 1831.

Sa femme, Hélène Pétrowna, née le 20 avril 1774, était fille aînée du général d'infanterie prince Pierre Pétrowitch Dolgorouky (1744—1815) et d'Anastasie Simonowna, née Lapteff († 1827), et sœur aînée des princes Pierre (1777—1806) et Michel (né en 1780, tué à Idensalmi le 15 octobre 1809), connus comme compagnons d'armes d'Alexandre Ier dans les premières années de son règne. Elle était très aimée de ce frère Michel, et lui donna de l'argent lorsqu'il alla en courrier à Paris en 1800. Il lui écrit alors: „Je crois que ce serait une bonne chose pour moi de m'habituer un peu à la société. Je t'entends d'ici, à 600 milles: „Excellente même, excellente!"—„Mais pardon! Tout à fait inutile, surtout pour moi, avec l'égalité d'humeur que tu me connais parfaitement. Je t'envoie trois cahiers de Haydn. Tu connais peut-être beaucoup de ces morceaux, mais l'oratorio est quelque chose de tout à fait nouveau, qui ne date que de quinze jours: c'est magnifique! Je te prie d'oublier ta paresse et de te mettre au piano".... „Mes compliments à ton mari, que j'aime beaucoup", écrit-il une autre fois; „embrasse Basile pour moi... Au revoir! J'allais commencer une phrase qui nous aurait conduits jusqu'à dimanche: c'est que je t'aime beaucoup!"

Mme Tolstoï mourut le 22 février 1823, et fut inhumée à Moscou, au monastère Donskoï. Elle eut trois enfants, Basile, colonel, né le 15 janvier 1797, mort à Piatigorsk le 25 août 1839, Vladimir, né en 1806, décabriste, et une fille Alexandrine, mariée le 29 avril 1823 au comte A. Panine.

(D'après un original appartenant à la princesse S. Chtcherbatoff, St-Pétersbourg.)

Сергѣй Васильевичъ
Толстой, 1771-1831, и его жена
Елена Петровна, 1774-1823

Serge Vassiliewitch
Tolstoï, 1771-1831, et sa femme
Hélène Pétrowna, 1774-1823

42

Княжны КУРАКИНЫ: ЕЛЕНА АЛЕКСѢЕВНА, 1787—1869, и АЛЕКСАНДРА АЛЕКСѢЕВНА, 1788—1819, родныя сестры, дочери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, генералъ-прокурора князя Алексѣя Борисовича Куракина (р. 1759 г., † 1829 г.) и извѣстной музыкантши и любительницы театра княгини Наталіи Ивановны, рожденной Головиной (р. 1768 г., † 1831 г.), оставившей интересныя записки о своей жизни.

Старшая изъ сестеръ, княжна Елена, родившаяся 9 Марта 1787 г., такъ же, какъ и мать, музыкантша и пѣвица, была сначала невѣстой князя Дмитрія Михайловича Волконскаго, впослѣдствіи сенатора, но бракъ этотъ разстроился, и она вышла замужъ за дѣйствительнаго статскаго совѣтника графа Николая Ивановича Зотова, отъ котораго имѣла только двухъ дочерей: Наталію (р. 1807 г., † 1873 г.), въ замужествѣ, съ 1825 г., за княземъ Павломъ Алексѣевичемъ Голицынымъ (р. 1796 г., † 1864 г.), и Елизавету (р. 1809 г., † 1872 г.) — за свѣтлѣйшимъ княземъ А. И. Чернышевымъ.

Младшая, княжна Александра, родившаяся 3 Февраля 1788 г., вышла замужъ 25 Января 1807 г. за Николая Сергѣевича Салтыкова (р. 1786 г., † 1846 г.). Она прожила съ мужемъ всего 2 года, когда полковникъ Петръ Александровичъ Чичеринъ (р. 1778 г., † 1848 г.; командиръ лб.-гв. Драгунскаго полка въ 1812 г., впослѣдствіи генералъ-адъютантъ) увезъ ее отъ живого мужа и „женился на ней безъ формальнаго развода съ первымъ мужемъ“, послѣ чего дядя ея, извѣстный князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ теченіе 8 лѣтъ ни разу не упомянулъ имени своей племянницы.

Дѣтей отъ перваго брака у ней не было, дѣти же ея отъ П. А. Чичерина, а именно: 4 сына — Александръ († 1835 г.), Павелъ (р. 1811 г.), Константинъ (р. 1816 г., † 1867 г.), Петръ (р. 1817 г.), и 2 дочери: Екатерина (фрейлина, дѣвица, † 1874 г.) и Наталья (дѣвица), получили права законныхъ дѣтей по Высочайшему указу 31 Декабря 1819 г., но уже послѣ кончины ихъ матери, которая умерла 12 Мая 1819 г.; похоронена она была въ Сергіевой пустыни, близъ С.-Петербурга. На могилѣ ея, кромѣ датъ, вырѣзано было только одно слово: „Alexandrine“; теперь нѣтъ уже и самой могилы.

(Съ портрета Боровиковскаго, 1802 г.; собственность князя Анатолія Александровича Куракина, въ С.-Петербургѣ.)

Les princesses KOURAKINE: HÉLÈNE ALEXÉEWNA, 1787—1869, et ALEXANDRINE ALEXÉEWNA, 1788—1819, sœurs, filles du prince Alexis Borissowitch Kourakine (1759—1829), conseiller privé actuel, procureur général, et de la princesse Natalie Ivanowna, née Golovine (1768—1831), connue comme musicienne et amateur de théâtre, et auteur d'intéressants Mémoires.

L'aînée des deux sœurs, la princesse Hélène, née le 9 mars 1787, musicienne et cantatrice comme sa mère, fut d'abord fiancée au prince Dmitri Mikhaïlowitch Wolkonsky, plus tard sénateur, mais le mariage ne se fit pas, et elle épousa le comte Nicolas Ivanowitch Zotoff, conseiller d'état actuel, dont elle n'eut que deux filles, Natalie (1807—1873), mariée en 1825 au prince Paul Alexéewitch Golitzyne (1796—1864), et Elisabeth (1809—1872), mariée au prince sérénissime A. Tchernycheff.

La plus jeune, la princesse Alexandrine, née le 3 février 1788, épousa le 25 janvier 1807 Nicolas Serguéewitch Saltykoff (1786—1846). Elle n'était mariée que depuis deux ans, lorsque le colonel Pierre Alexandrowitch Tchitchérine (1778—1848), commandant des dragons de la Garde en 1812, plus tard général aide de camp, l'enleva du vivant de son mari et „l'épousa sans qu'elle fût formellement divorcée“, après quoi son oncle, le célèbre prince Alexandre Borissowitch Kourakine, fut huit ans sans vouloir entendre parler de sa nièce.

Elle n'eut pas d'enfants de son premier mariage, mais elle eut de Tchitchérine quatre fils, Alexandre († 1835), Paul (né 1811), Constantin (1816—1867) et Pierre (né 1817), et deux filles, qui ne furent pas mariées, Catherine († 1874), demoiselle d'honneur, et Natalie. Tous ces enfants furent légitimés par un oukaze de Sa Majesté en date du 31 décembre 1819, postérieur par conséquent à la mort de la mère, décédée le 12 mai précédent et inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg. Son tombeau, qui ne portait, outre les dates, qu'un seul mot: „Alexandrine“, a aujourd'hui disparu.

(D'après un original de Borovikowsky, 1802, appartenant au prince Anatole Alexandrowitch Kourakine, St-Pétersbourg.)

43

Баронесса НАТАЛІЯ МИХАЙЛОВНА СТРОГАНОВА, 1745—1819, дочь князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго (р. 1 Ноября 1702 г., † 19 Января 1755 г.) отъ второй его супруги графини Натальи Григорьевны Чернышевой (р. 5 Апрѣля 1711 г., † 1 Декабря 1760 г.), была въ замужствѣ за бригадиромъ барономъ Сергѣемъ Николаевичемъ Строгановымъ (р. 10 Апрѣля 1738 г., † 29 Августа 1777 г.), который въ первый разъ былъ женатъ на Прасковіи Григорьевнѣ Будаковой.

У баронессы Н. М. Строгановой былъ единственный сынъ, баронъ Александръ Сергѣевичъ, родившійся въ Сентябрѣ 1771 г. († 22 Сентября 1815 г.), по выраженію князя И. М. Долгорукаго, „несчастный человѣкъ, слѣпой“.... Въ „Капищѣ моего сердца“ имѣется нѣсколько словъ о баронессѣ Строгановой, которая приходилась родной теткой автору.

Умерла баронесса Н. М. Строганова 5 Февраля 1819 г. и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Императрица Елисавета Алексѣевна 8 Февраля 1819 г. писала своей матери, маркграфинѣ Баденской: „Il vient de mourir ces jours-ci une Baronne Stroganoff (née princesse Béloselsky) qui, veuve dès l'âge de 22 ans d'un mari qu'elle aimait beaucoup, ne vivait que pour un fils unique; jamais elle n'avait eu d'autres enfants que lui. Elle avait marié ce fils, il y a plusieurs années, mais sa femme et son enfant étaient morts au bout de peu de temps de mariage, lui-même tomba dans un état de santé déplorable et fut perclus et aveugle plusieurs années avant sa mort. Sa pauvre mère doit voir ses longues souffrances avant de le perdre; il mourut enfin, il y a une dizaine d'années, et elle resta seule au monde en apparence, mais tant aimée de toutes ses connaissances et de ses parents éloignés qu'elle se plaignait quelquefois d'avoir trop de monde autour d'elle. Naturellement tous ses vœux tendaient vers un autre monde où était tout ce qu'elle avait le mieux aimé dans celui-ci. Néanmoins elle était d'un calme, d'une sérénité qui ne laissait pas deviner à ceux dont elle n'en parlait pas, ce qui était l'objet constant de ses pensées. Elle l'a atteint enfin et a eu une mort douce et calme comme l'était sa vie. Elle est généralement regrettée de tous ceux qui la connaissaient, et quoique seule au monde en apparence, sa mort fait verser bien des larmes. Peut-être l'avez-vous connue à votre premier voyage en Russie, elle était sœur d'une princesse Béloselsky, qui était demoiselle d'honneur de ma Tante“.

(Съ портрета Греза; собственность князя К. Э. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, С.-Петербургъ.)

43

La baronne NATALIE MIKHAÏLOWNA STROGANOFF, 1743—1819, fille du prince Michel Andréewitch Bélosselsky (1er novembre 1702—19 janvier 1755) et de sa seconde femme Natalie Grigoriewna, née comtesse Tchernycheff (5 avril 1711—1er décembre 1760), épousa le baron Serge Nikolaewitch Stroganoff (10 avril 1738—29 août 1777), brigadier, marié en premières noces à Prascovie Grigoriewna Boudakoff.

Elle eut un fils unique Alexandre (septembre 1771—22 septembre 1815), au témoignage du prince I. Dolgorouky, „un infortuné, aveugle“.... Le Sanctuaire de mon Cœur dit quelques mots de la baronne Stroganoff, tante de l'auteur.

La baronne Stroganoff mourut le 5 février 1819, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

L'Impératrice Elisabeth Alexéewna écrivait le 8 février 1819 à sa mère, la margrave de Bade: „Il vient de mourir ces jours-ci une Baronne Stroganoff (née princesse Béloselsky) qui, veuve dès l'âge de 22 ans d'un mari qu'elle aimait beaucoup, ne vivait que pour un fils unique; jamais elle n'avait eu d'autres enfants que lui. Elle avait marié ce fils, il y a plusieurs années, mais sa femme et son enfant étaient morts au bout de peu de temps de mariage, lui-même tomba dans un état de santé déplorable et fut perclus et aveugle plusieurs années avant sa mort. Sa pauvre mère doit voir ses longues souffrances avant de le perdre; il mourut enfin, il y a une dizaine d'années, et elle resta seule au monde en apparence, mais tant aimée de toutes ses connaissances et de ses parents éloignés qu'elle se plaignait quelquefois d'avoir trop de monde autour d'elle. Naturellement tous ses vœux tendaient vers un autre monde où était tout ce qu'elle avait le mieux aimé dans celui-ci. Néanmoins elle était d'un calme, d'une sérénité qui ne laissait pas deviner à ceux dont elle n'en parlait pas, ce qui était l'objet constant de ses pensées. Elle l'a atteint enfin et a eu une mort douce et calme comme l'était sa vie. Elle est généralement regrettée de tous ceux qui la connaissaient, et quoique seule au monde en apparence, sa mort fait verser bien des larmes. Peut-être l'avez-vous connue à votre premier voyage en Russie, elle était sœur d'une princesse Béloselsky, qui était demoiselle d'honneur de ma Tante“.

(D'après un original de Greuze, appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

Княгиня АННА ГРИГОРЬЕВНА БѢЛОСЕЛЬСКАЯ-БѢЛОЗЕРСКАЯ, 1773—1846, младшая изъ двухъ дочерей статсъ-секретаря Екатерины II Григорія Васильевича Козицкаго (р. 1724 г., † 1755 г.), женатаго на Екатеринѣ Ивановнѣ Мясниковой, родилась 26 Мая 1773 года. Будучи богатой невѣстой, благодаря своей матери, унаслѣдовавшей часть огромнаго Твердышево-Мясниковскаго состоянія, она остановила на себѣ выборъ князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго, извѣстнаго русскаго мецената, посланника въ Дрезденѣ и Туринѣ, впослѣдствіи оберъ-шенка и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, женившагося на ней послѣ смерти въ 1792 г. своей первой жены, рожденной Татищевой. „Спесивое родство", говоритъ Вигель, „видѣло въ этомъ союзѣ неровный бракъ, mésalliance", который, однако, весьма поправилъ дѣла князя А. М. Бѣлосельскаго, вернувшагося изъ-за границы совершенно разореннымъ. Домъ Бѣлосельскихъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ въ Петербургѣ по роскоши и богатству пріемовъ и обстановкѣ.

Не унаслѣдовавъ отъ матери ни ума ея, ни умѣнія держать себя въ свѣтѣ, княгиня А. Г. Бѣлосельская не была любима въ обществѣ, гдѣ ее находили скучною и чванною. „La princesse Bélosselski", говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь П. Долгорукій, „qui était née et avait passé sa vie au sein d'immenses richesses, avait toujours l'air d'une femme de chambre endimanchée et prêtait à rire. La cousine germaine du prince Bélosselski, la princesse Voldemar Galitzyne, si connue pour la hauteur de son caractère, traitait la princesse Bélosselski avec un dédain à peine dissimulé, mais elle fut toujours aimable et gracieuse pour Mme Kozitzki, à laquelle personne ne se serait avisé de manquer". Княгиня Бѣлосельская умѣла, однако, хорошо вести свои дѣла и занялась устройствомъ купленнаго въ 1784 г. за 90.000 рублей ассигнаціями у Разумовскихъ заброшеннаго Крестовскаго острова, на которомъ тогда, по словамъ Вигеля, одного лѣса было еще на полмилліона рублей. Съ этого времени, съ постройкою ею вблизи отремонтированнаго стараго дома нѣсколькихъ дачъ и устройствомъ разныхъ увеселительныхъ приманокъ, качелей и горъ, Крестовскій островъ сталъ въ началѣ Александровскаго царствованія моднымъ дачнымъ мѣстомъ, а княгиня Бѣлосельская, уже овдовѣвшая, признана всѣми, по словамъ того же Вигеля, за „Lady des Isles". Благодаря положенію мужа, она не осталась чуждою и придворныхъ отличій: была кавалерственной дамой ордена св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста, а въ 1832 г. была пожалована въ статсъ-дамы. Она состояла также почетнымъ членомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго общества. Овдовѣвъ, княгиня часто жила въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, доставшемся ей отъ матери, на углу Тверской и Козицкаго переулка. Большая любительница картъ, она пыталась ввести карточную игру во время концертовъ въ Московскомъ Дворянскомъ собраніи, но потерпѣла неудачу. Скончалась она 14 Февраля 1846 г. и похоронена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Княгиня А. Г. Бѣлосельская имѣла одного сына, князя Эспера Александровича (р. 1802 г., † 1846 г.), перваго мужа извѣстной княгини Елены Павловны Кочубей, и двухъ дочерей: Екатерину (за генераломъ-отъ-артиллеріи Иваномъ Онуфріевичемъ Сухозанетомъ) и Елизавету (за генералъ-лейтенантомъ Александромъ Ивановичемъ Чернышевымъ).

(Съ портрета П. Грёза; собственность князя К. Э. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse ANNE GRIGORIEWNA BÉLOSSELSKY-BÉLOZERSKY, 1773—1846, la plus jeune des deux filles du secrétaire d'état de Catherine II Grégoire Vassiliewitch Kozitzky (1724—1755) et de Catherine Ivanowna, née Miasnikoff, naquit le 26 mai 1773. Riche parti, grâce à sa mère qui avait hérité d'une partie de l'immense fortune des Tverdycheff-Miasnikoff, elle fixa le choix du prince Alexandre Mikhaïlowitch Bélosselsky, connu comme Mécène russe, ambassadeur à Dresde et à Turin, dans la suite grand échanson et conseiller privé actuel, qui l'épousa après la mort, en 1792, de sa première femme, née Tatichtcheff. „La morgue des siens", dit Wiegel, „voyait dans cette union une mésalliance", qui cependant remit fort bien en point les affaires du prince, rentré de l'étranger complètement ruiné. La maison Bélosselsky devint une des premières de Pétersbourg pour la richesse des réceptions et le luxe de l'installation.

La princesse Bélosselsky n'avait ni l'esprit ni l'usage du monde qui distinguaient sa mère, et n'était pas aimée dans la société: on la trouvait ennuyeuse et guindée. „La princesse Bélosselsky", dit dans ses Souvenirs le prince P. Dolgorouky, „qui était née et avait passé sa vie au sein d'immenses richesses, avait toujours l'air d'une femme de chambre endimanchée et prêtait à rire. La cousine germaine du prince Bélosselsky, la princesse Voldemar Galitzyne, si connue pour la hauteur de son caractère, traitait la princesse Bélosselsky avec un dédain à peine dissimulé, mais elle fut toujours aimable et gracieuse pour Mme Kozitzky, à laquelle personne ne se serait avisé de manquer". La princesse sut cependant bien s'arranger: elle remit en état l'île Krestowsky, qui, abandonnée par les Razoumowsky et achetée 90.000 roubles en 1784, contenait encore à ce moment, dit Wiegel, pour plus d'un demi-million rien que de bois. La vieille maison fut restaurée et entourée de quelques villas neuves, des attractions diverses, balançoires, montagnes russes, furent organisées: dès lors, Krestowsky devint au début du règne d'Alexandre la villégiature à la mode, et la princesse Bélosselsky, alors veuve, fut généralement dénommée, au témoignage du même Wiegel, „la Lady des Isles". La position de son mari lui donna part aux distinctions de la Cour: grand croix de l'ordre de St-Jean-de-Jérusalem, elle devint dame d'honneur en 1832, et fut également membre honoraire de la Société Impériale Economique Libre. Devenue veuve, elle habita souvent à Moscou la maison qu'elle avait héritée de sa mère, au coin de la Tverskaïa et du Kozitzky Péréoulok. Grand amateur du jeu de cartes, elle tenta, mais sans succès, de le mettre à la mode pendant les concerts de l'Assemblée de la Noblesse à Moscou. Elle mourut le 14 février 1846, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

La princesse Bélosselsky eut un fils, le prince Espère (1802—1846), premier mari de la princesse Hélène Pavlowna Kotchoubey, et deux filles, Catherine, mariée au général d'artillerie Ivan Onufriewitch Soukhozanet, et Elisabeth au général lieutenant Alexandre Ivanowitch Tchernycheff.

(D'après un original de Greuze appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

L'identification donnée pour le № 43 du Tome III des PORTRAITS RUSSES est inexacte. La personne représentée est non pas, comme le porte la légende de l'héliogravure, La Princesse Anne Grigoriewna Bélosselsky-Bélozersky, mais bien La Baronne Natalie Mikhaïlowna Stroganoff, née Princesse Bélosselsky, dont la notice biographique est jointe au présent Fascicule 2 du Tome IV, sur une feuille volante, pour être insérée à sa place au Tome III.

Le portrait de la Princesse Anne Grigoriewna Bélosselsky-Bélozersky, née Kozitzky, par Vigée-Lebrun, figurera au Fascicule 4 du présent Tome IV.

Въ III томѣ настоящаго изданія, подъ № 43, въ числѣ геліогравюръ помѣщенъ портретъ, съ обозначеніемъ въ подписи, что это—„Княгиня Анна Григорьевна Бѣлосельская-Бѣлозерская". Между тѣмъ на означенномъ портретѣ изображена *Баронесса Наталія Михайловна Строганова, рожденная княжна Бѣлосельская.*

Біографическая замѣтка о послѣдней помѣщается во 2 вып. IV т., на отдѣльномъ листкѣ, который можетъ быть помѣщенъ въ III томъ на соотвѣтствующее мѣсто.

Портретъ княгини А. Г. Бѣлосельской-Бѣлозерской, рожденной Козицкой, кисти Виже-Лебренъ, будетъ помѣщенъ въ 4 вып. IV тома „Русскихъ Портретовъ".

ПРАСКОВЬЯ АРСЕНЬЕВНА БАРТЕНЕВА, 1811—1872, камеръ-фрейлина, дочь статскаго совѣтника Арсенія Ивановича (р. 8 Апрѣля 1780 г., † 21 Іюля 1861 г.) отъ брака съ Ѳеодосіей Ивановной Бутурлиной (р. 31 Января 1790 г., † 22 Октября 1835 г.), родилась 13 Ноября 1811 г.; мать ея, пѣвица, ученица Мускети, пользовавшаяся извѣстностью въ Московскомъ обществѣ, отличалась большими странностями, благодаря которымъ воспитаніе ея 8 человѣкъ дѣтей проходило въ очень неблагопріятной обстановкѣ. Вотъ что разсказываетъ о ней современница, Е. П. Янькова: „Бартенева была охотница веселиться и мыкаться изъ дома въ домъ. Какъ начнется день, насажаетъ она своихъ дѣтей въ четвероместную свою карету и поѣдетъ въ гости. Гдѣ есть дѣти, она туда привезетъ своихъ: въ томъ домѣ, положимъ, барышни берутъ урокъ музыки, вотъ она и проситъ хозяйку: „Позвольте и моимъ дѣвочкамъ послушать, какъ ваши дочери играютъ". Такъ прикинетъ своихъ дочерей, а сама съ мальчиками отправится, гдѣ есть мальчики; въ томъ домѣ какой-нибудь учитель исторіи или математики: „Ваши сыновья за урокомъ, ну, и очень хорошо, позвольте и моимъ послушать". Тутъ она броситъ мальчиковъ, а сама поѣдетъ куда-нибудь обѣдать, а вечеромъ заѣдетъ за мальчиками, а потомъ за дѣвочками — и домой. Такія путешествія она совершала каждый день и дѣтей не кормила и не учила дома. Если же ей почему-либо не удавалось гдѣ-нибудь размѣстить своихъ дѣтей на день, она или возила ихъ съ собой по гостямъ, или же оставляла ихъ въ каретѣ, въ которую клали, на всякій случай, что-нибудь съѣстное... Дѣти такъ привыкли къ этой кочующей жизни, что говаривали: „Намъ нуженъ домъ только для того, чтобы переночевать, а днемъ намъ нужна большая карета; жаль только, что наша безъ печи, а то бы намъ и домъ не нуженъ". Въ письмахъ А. Я. Булгакова къ брату часто упоминается „Ѳишенька" Бартенева и говорится о ея страсти къ выѣздамъ.

Дочь ея, Прасковья Арсеньевна, кромѣ красоты, обладала прекраснымъ голосомъ, долго сохранившимся у ней, и сдѣлалась извѣстной великосвѣтской пѣвицей. Во время пребыванія Высочайшихъ особъ въ Москвѣ ее всегда приглашали во дворецъ для пѣнія, и Императрица Александра Ѳеодоровна, оцѣнившая и другія выдающіяся достоинства дѣвушки, приблизила ее къ себѣ: она была пожалована въ фрейлины, а впослѣдствіи была камеръ-фрейлиной.

П. А. Бартенева скончалась, на 61 году жизни, 24 Января 1872 г. и похоронена въ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга.

(Съ портрета К. Брюллова; собственность П. М. Романова, въ С.-Петербургѣ.)

44

PRASCOVIE ARSÉNIEWNA BARTÉNEFF, 1811—1872, demoiselle d'honneur honoraire, fille du conseiller d'état Arsène Ivanowitch Barténeff (8 avril 1780—21 juillet 1861) et de Théodosie Ivanowna, née Boutourline (31 janvier 1790—22 octobre 1835), naquit le 13 novembre 1811. Sa mère, cantatrice, élève de Muscheti, était connue dans la société de Moscou, et avait de grandes bizarreries, qui créèrent pour l'éducation de ses huit enfants un milieu très défavorable. Voici ce que raconte à ce sujet une contemporaine, Mme E. Yankoff: „Mme Barténeff aimait prendre du bon temps et traîner d'une maison à l'autre. Pour commencer sa journée, elle met ses enfants dans sa voiture à quatre places et part en visite. Où il y a des enfants, elle conduit les siens. Dans une maison, par exemple, les filles ont leur leçon de musique: elle va dire à la mère: „Permettez aussi à mes filles d'écouter jouer les vôtres". Elle y plante ses filles, et la voilà partie avec ses garçons là où il y a des garçons. Elle y trouve le maître d'histoire ou de calcul: „Vos enfants sont à leur leçon: bon, très bien, laissez les miens suivre aussi". Elle fourre là ses fils, et s'en va dîner n'importe où; le soir, elle repasse prendre les garçons, puis les filles, et on rentre. Tous les jours elle faisait de ces voyages-là, et jamais ses enfants ne mangeaient ni ne travaillaient chez elle. S'il n'y avait pas moyen de les caser pour la journée d'une manière ou de l'autre, elle les emmenait en visite, ou bien les laissait dans la voiture, avec n'importe quoi à manger, à tout hasard.... Les enfants avaient si bien pris l'habitude de cette vie nomade, qu'ils disaient: „La maison ne nous sert que pour dormir; pour le jour, il nous faut une grande voiture. Et encore, s'il y avait un poêle dans la nôtre, il n'y aurait pas besoin de maison du tout". Dans ses lettres à son frère, Alexandre Boulgakoff parle souvent de Mme Barténeff (Fichenka) et de sa passion des sorties.

Sa fille Prascovie avait, outre sa beauté, une voix magnifique, qu'elle conserva longtemps, et qui lui fit une notoriété dans le grand monde. Quand des personnages de la Famille Impériale venaient à Moscou, on la faisait toujours chanter au Palais, et l'Impératrice Alexandra Féodorowna, qui faisait également grand cas des éminentes qualités de la jeune fille, l'approcha d'elle et la fit d'abord demoiselle d'honneur, puis demoiselle d'honneur honoraire.

Mlle Barténeff mourut dans sa 61e année, le 24 janvier 1872, et fut inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg.

(D'après un original de Ch. Brulloff, appartenant à P. Romanoff, St-Pétersbourg.)

Пис. К. Брюлловъ | Peint par Ch. Brulloff

Прасковья Арсеньевна Бартенева, 1811-1872 | Prascovie Arséniewna Barténeff, 1811-1872

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ ЭММАНУИЛЪ ФРАНЦЕВИЧЪ СЕНЪ-ПРИ, 1776—1814, изъ древней и знатной французской роялистской фамиліи, сынъ графа Франца Сенъ-При, посла въ Португаліи, Испаніи и Турціи, позднѣе эмигранта, женатаго на дочери Австрійскаго посла въ Константинополѣ графа Людольфа, родился 29 Апрѣля 1776 г. въ Константинополѣ; научившись въ дѣтствѣ турецкому и греческому языку, графъ С.-При получилъ отличное образованіе, законченное въ Гейдельбергскомъ университетѣ. Въ 1793 г. онъ вступилъ въ русскую службу, въ Артиллерійскій и Инженерный Кадетскій (2-й) корпусъ; затѣмъ былъ переведенъ поручикомъ въ Семеновскій полкъ, при чемъ въ день коронаціи Павла произведенъ въ капитаны, послѣ чего вскорѣ былъ отставленъ и удалился временно во Францію, гдѣ былъ адъютантомъ герцога Ангулемскаго. Окончательно эмигрировавъ изъ отечества послѣ воцаренія Наполеона, графъ снова вступилъ въ русскую службу и пожалованъ полковникомъ Семеновскаго полка, а затѣмъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Егерскаго батальона, съ которымъ участвовалъ въ бою подъ Аустерлицемъ: здѣсь онъ выказалъ храбрость и военныя дарованія, подъ нимъ была убита лошадь; за Аустерлицъ онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст.; въ 1807 г., во время сраженія при Гутштадтѣ, С.-При былъ раненъ въ ногу картечью. Только въ 1809 г. онъ могъ возвратиться въ строй и, назначенный командиромъ 6-го Егерскаго полка, отправился въ Дунайскую армію, гдѣ участвовалъ во многихъ дѣлахъ и отличился при взятіи Ловчи, командуя особымъ отрядомъ. Въ теченіе этой кампаніи онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, пожалованъ въ генералъ-адъютанты и получилъ звѣзды Анны 1-й ст. и Владиміра 2-й ст.; назначенный начальникомъ штаба 2-й арміи Багратіона, С.-При находился при князѣ въ 1812 году. При Бородинѣ Багратіонъ былъ смертельно раненъ, а С.-При тяжко контуженъ; на рукахъ послѣдняго Багратіонъ и скончался въ с. Симахъ. По возвращеніи графа С.-При къ арміи, Государь поручилъ ему въ Вильнѣ заботы о раненыхъ: онъ посѣщалъ зараженные госпитали и „тысячи его земляковъ были спасены имъ отъ смерти". Въ кампанію 1813 г. С.-При участвовалъ въ Люценскомъ и Бауценскомъ сраженіяхъ. Произведенный въ генералъ-лейтенанты, онъ былъ назначенъ въ Августѣ 1813 г. командиромъ 8-го пѣх. корпуса и участвовалъ въ битвѣ при Лейпцигѣ, при чемъ ворвался въ одни изъ воротъ города. 28 Февраля 1814 г. С.-При взялъ штурмомъ Реймсъ, за что былъ награжденъ орд. св. Георгія 2-й ст.; между тѣмъ, самъ Наполеонъ, разбивъ пруссаковъ, изъ Суассона повернулъ на Реймсъ и неожиданно обрушился на отрядъ графа С.-При, который не вѣрилъ въ возможность этого движенія и велъ себя довольно безпечно, за что и поплатился. Въ самомъ началѣ боя ядро поразило его въ плечо, раздробило руку и сбросило съ лошади, онъ сильно расшибся и лишился сознанія. Придя въ себя, онъ увидѣлъ картину пораженія и общаго бѣгства своихъ. По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, онъ былъ внесенъ въ каре батальона Рязанскаго пѣхотнаго полка, подъ командой Скобелева: „Полковникъ, спасите меня", сказалъ онъ. „Спасти не могу, графъ, а умремъ вмѣстѣ", отвѣчалъ Скобелевъ. Однако, храбрецы спаслись. С.-При былъ перевезенъ въ Лаонъ, гдѣ, послѣ страшныхъ страданій отъ ранъ, скончался 17 Марта 1814 г.; передъ смертью, благодаря въ письмѣ Александра I за рескриптъ и звѣзду св. Георгія, С.-При говорилъ: „Смѣю думать, что пораженія не случилось бы, если бы меня не ранили". Похороненъ онъ былъ подъ Лаонскимъ соборомъ, но памятникъ его уничтоженъ во время революціи 1830 года.

По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, графъ С.-При былъ „небольшого роста, прекрасенъ лицомъ; живость характера смягчалась необыкновенной добротой"; онъ былъ глубоко набоженъ и постоянно въ походѣ заходилъ помолиться въ церкви; солдаты боготворили его, какъ „начальника, самаго попечительнаго. Среди боя являлся онъ въ мѣстахъ опаснѣйшихъ, распоряжаясь хладнокровно. Послѣ боя не предавался покою, доколѣ лично не удостовѣрялся, подана-ли помощь раненымъ русскимъ и непріятелямъ, ибо въ сраженномъ врагѣ видѣлъ только страждущаго брата. Отбиваемую на войнѣ добычу раздавалъ солдатамъ. Однажды только взялъ онъ себѣ зрительную трубу маршала Макдональда, которую завѣщалъ передъ смертью своему лучшему другу, графу М. С. Воронцову".

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ Дворцѣ.)

Le comte EMMANUEL DE SAINT-PRIEST, 1776 — 1814, d'une famille de la vieille noblesse royaliste de France, fils du comte François de Saint-Priest, ambassadeur en Portugal, en Espagne et en Turquie, et d'une fille du comte Ludolff, ambassadeur d'Autriche à Constantinople, naquit à Constantinople le 29 avril 1776. Il apprit dès l'enfance le turc et le grec, et reçut une excellente instruction, qu'il compléta à l'université de Heidelberg. Il prit en 1793 du service en Russie, au Corps des Cadets de l'artillerie et du génie, d'où il sortit lieutenant au régiment Sémenowsky. Fait capitaine le jour du couronnement de Paul Ier, il quitta le service peu après, et se fixa pour quelque temps en France, où il fut aide de camp du duc d'Angoulême. Il émigra définitivement à l'avènement de Napoléon pour reprendre du service en Russie comme colonel au régiment Sémenowsky, puis commandant du bataillon des chasseurs de la Garde, avec lequel il se trouva à Austerlitz: il eut un cheval tué sous lui, et déploya une bravoure et des talents qui lui valurent St-Georges de 4e classe. Blessé à Gutstadt, en 1807, d'un coup de mitraille à la jambe, il ne put rentrer dans le rang qu'en 1809; nommé commandant du 6e chasseurs et envoyé à l'armée du Danube, il prit part à de nombreux combats, et, à la tête d'un corps détaché, se distingua à la prise de Lovtcha. Il reçut au cours de cette campagne le grade de général major, celui de général aide de camp, et les étoiles de Ste-Anne de 1re classe et de St-Vladimir de 2e classe. Nommé chef d'état-major de la 2e armée, celle de Bagration, il fut attaché au prince en 1812. A Borodino, où Bagration fut mortellement blessé, Saint-Priest reçut une grave contusion, et recueillit lui-même à Simy le dernier soupir de son chef. A son retour à l'armée, l'Empereur lui confia le soin des blessés à Vilna: il visitait les hôpitaux infectés et „sauva de la mort des milliers de ses compatriotes“. A la campagne de 1813, il fut à Lutzen et Bautzen. Promu général lieutenant et mis en août 1813 à la tête du 8e corps d'infanterie, il prit part à la bataille de Leipzig, et força une des portes de la ville. Le 28 août 1814, il prit Reims d'assaut, ce qui lui valut St-Georges de 2e classe; sur ces entrefaites, Napoléon en personne, après avoir écrasé les Prussiens, tourna de Soissons sur Reims, et tomba à l'improviste sur le détachement de Saint-Priest, qui ne croyait pas à la possibilité d'un pareil mouvement et n'était nullement sur ses gardes. Il paya cher son insouciance: atteint à l'épaule et désarçonné dès le début du combat par un boulet qui lui fracassa le bras, il fit une chute meurtrière et perdit connaissance. Il reprit ses sens pour voir le spectacle de la défaite et de la débandade générale des siens. Au témoignage de Mikhaïlowsky-Danilewsky, il se fit porter au carré de l'infanterie de Riazan, commandée par Skobéleff: „Colonel“, s'écria-t-il, „sauvez-moi!“ — „Je ne peux rien pour vous, Comte“, lui répondit Skobéleff: „nous allons mourir ensemble!“ Pourtant, les deux braves furent sauvés. Saint-Priest fut transporté à Laon et y mourut de ses blessures dans de cruelles souffrances, le 17 mars 1814; il dit, à son lit de mort, dans une lettre écrite à l'Empereur pour le remercier de son rescrit et de l'étoile de St-Georges: „J'ose croire que nous n'aurions pas été battus si je n'avais pas été blessé“. Il fut inhumé dans la cathédrale de Laon, mais son monument fut détruit lors de la révolution de 1830.

Au témoignage de Mikhaïlowsky-Danilewsky, le comte de Saint-Priest était „petit, et très beau de visage; la vivacité de son humeur était tempérée par une grande bonté“; d'une profonde piété, il entrait constamment dans les églises, en campagne, pour prier. Les hommes l'idolâtraient „comme chef, en raison de son extrême sollicitude. Au feu, on le voyait dans les endroits les plus exposés, donnant tranquillement ses ordres. Après la bataille, il ne connaissait pas de repos avant de s'être assuré par lui-même si on avait secouru tous les blessés, aussi bien russes qu'ennemis, car dans un ennemi abattu il ne voyait qu'un frère souffrant. Le butin, il le faisait distribuer aux hommes; une fois seulement, il prit pour lui la lorgnette du maréchal Macdonald, qu'il légua à sa mort à son meilleur ami, le comte M. Worontzoff“.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Пис. Доу

Peint par Dawe

Графъ Эммануилъ Францевичъ де-Сенъ-При, 1776–1814 | Le Comte Emanuel Frantsewitch de Saint-Priest, 1776–1814

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Свѣтлѣйшая княгиня **ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА МЕНШИКОВА**, 1764—1832, дочь оберъ-гофмаршала, тайнаго совѣтника князя Николая Михайловича Голицына (р. 1727 г., † 1786 г.) и княгини Екатерины Александровны, рожденной Головиной (р. 1728 г., † 1769 г.), жена дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, дѣйствительнаго камергера свѣтлѣйшаго князя Сергѣя Александровича Меншикова (р. 4 Сентября 1746 г., † 12 Апрѣля 1815 г.), родилась 14 Ноября 1764 г., умерла 7 Ноября 1832 года.

Княгиня имѣла 2 сыновей: Александра (адмиралъ, извѣстный главнокомандующій въ Крыму) и Николая (р. 1790), и 2 дочерей: Елизавету (р. 1791 г., † 1802 г.) и Екатерину (р. 1794 г., † 1835 г.; за княземъ Гагаринымъ).

Княгиня Е. Н. Меншикова, по свидѣтельству современниковъ, была очень хороша собой; она извѣстна была своей близостью къ знаменитому графу Армфельду, другу короля Густава III. Впрочемъ, по словамъ князя П. Долгорукаго, „le prince Serge Menchikoff avait hérité de la nullité de son père, et, malheureusement, des goûts dépravés de son célèbre aïeul; il était d'autant moins excusable, qu'il se trouvait marié à l'une des plus belles femmes de la Russie".

О прилагаемомъ портретѣ, писанномъ г-жею Виже-Лебренъ въ 1796 г. въ Петербургѣ, въ перечнѣ своихъ работъ, художница говоритъ: „La princesse Menszikoff jusqu'à mi-jambe, tenant son enfant".

Существуетъ еще гравированный, черной манерой, портретъ княгини Е. Н. Меншиковой съ портрета, писаннаго А. Граффомъ въ 1793 году.

(Съ портрета Виже-Лебренъ; собственность князя Н. Н. Гагарина, С.-Петербургъ.)

46

La princesse sérénissime CATHERINE NIKOLAEWNA MENCHIKOFF, 1764—1832, fille du prince Nicolas Mikhaïlowitch Golitzyne (1727—1786), grand maréchal de la Cour, conseiller privé, et de la princesse Catherine Alexandrowna, née Golovine (1728—1769), était femme du prince sérénissime Serge Alexandrowitch Menchikoff (4 septembre 1746—12 avril 1815), conseiller privé actuel, sénateur et chambellan actuel. Elle naquit le 14 novembre 1764, et mourut le 7 novembre 1832.

Elle eut deux fils, Alexandre, amiral, connu comme commandant en chef en Crimée, et Nicolas (né 1790), et deux filles, Elisabeth (1791—1802) et Catherine (1794—1835), mariée au prince Gagarine.

La princesse Menchikoff, au témoignage des contemporains, était très belle; elle est connue pour son intimité avec le célèbre comte Armfeld, ami du roi Gustave III. D'ailleurs, dit le prince P. Dolgorouky, „le prince Serge Menchikoff avait hérité de la nullité de son père, et, malheureusement, des goûts dépravés de son célèbre aïeul; il était d'autant moins excusable, qu'il se trouvait marié à une des plus belles femmes de la Russie".

Du portrait ci-joint, peint par Vigée-Lebrun en 1796 à Pétersbourg, l'auteur dit dans l'énumération de ses œuvres: „La princesse Menszikoff jusqu'à mi-jambe, tenant son enfant".

Il y a encore une gravure, en noir, de la princesse Menchikoff, d'après le portrait peint par Graff en 1795.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, appartenant au prince N. Gagarine, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ СЕСЛАВИНЪ, 1780—1858, генералъ-майоръ, извѣстный „отважный и неутомимый" партизанъ эпохи Отечественной войны, родомъ изъ Тверскихъ дворянъ, получилъ образованіе во 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ и началъ службу въ гвардейской артиллеріи. Въ 1800 г. онъ пожалованъ былъ въ кавалеры ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Первые годы XIX столѣтія Сеславинъ провелъ въ безпрерывныхъ походахъ Наполеоновскихъ войнъ и совершилъ кампаніи на Дунаѣ, проявляя вездѣ рѣдкую „храбрость и искусство", за что, получивъ 9 ранъ, награжденъ: золотымъ оружіемъ за Гейльсбергъ, Владиміромъ 4 ст. за Фридландъ и Анною 2 ст.—за Чаушкіой, гдѣ раненъ былъ въ правую руку. Но извѣстность Сеславина основана на его дѣятельности въ 1812 году. Адъютантъ Барклая-де-Толли, онъ высоко цѣнилъ этого полководца, который его очень любилъ, но и преемникъ Барклая, Кутузовъ, сумѣлъ по достоинству оцѣнить Сеславина, который подъ Бородинымъ проявилъ необыкновенную храбрость и получилъ орденъ св. Георгія 4 ст.; послѣ занятія Москвы французами, Сеславину порученъ былъ особый партизанскій отрядъ „съ цѣлью истребленія транспортовъ съ жизненнымъ и военнымъ продовольствіемъ французской арміи" и для дѣйствій на Боровской и Смоленской дорогахъ. Громадная заслуга Сеславина въ 1812 г. заключалась въ томъ, что онъ первый открылъ движеніе Наполеона на Калугу и, предупредивъ Кутузова, далъ возможность разбить французовъ подъ Малоярославцемъ. Сеславинъ хорошо сознавалъ и самъ великое значеніе этого событія для дальнѣйшаго хода военныхъ дѣйствій и любилъ объ этомъ говорить. Затѣмъ Сеславинъ занялъ Вязьму, потомъ Борисовъ и открылъ послѣ этого сообщеніе между арміями Чичагова и Витгенштейна, за что пожалованъ во флигель-адъютанты; 29 Ноября онъ занялъ Вильну, но тутъ тяжело былъ раненъ въ руку, съ раздробленіемъ кости. Только уже въ кампанію 1814 г. онъ опять является командиромъ партизанскаго отряда во Франціи и отрѣзываетъ сообщенія Парижа.

Послѣ окончанія войнъ съ Наполеономъ, Сеславинъ провелъ нѣсколько лѣтъ за границей, лѣчась отъ ранъ, и тутъ у него явился, въ 1819 г., планъ произвести изслѣдованія Индіи съ цѣлью узнать, можетъ ли Россія „внести оружіе въ остъ-индскія владѣнія англичанъ и уничтожить и изгнать ихъ оттуда". Этотъ проектъ былъ имъ сообщенъ графу П. А. Толстому.

Возвратившись въ Россію, Сеславинъ оставилъ службу, удалился въ свое Тверское имѣніе, сельцо Есемово; здѣсь онъ одинъ доживалъ свой долгій вѣкъ. При громадномъ самолюбіи, онъ считалъ себя неоцѣненнымъ и недостаточно вознагражденнымъ, сдѣлался почти отшельникомъ, характеръ его сталъ нелюдимымъ и угрюмымъ. Среди книгъ, постоянно вспоминалъ онъ пережитую великую эпоху; критикуя Михайловскаго-Данилевскаго, писалъ отрывки своихъ воспоминаній, при чемъ весь былъ въ прошедшемъ, пессимистически смотря на настоящее и будущее.

Сеславинъ умеръ 78 лѣтъ, въ Апрѣлѣ 1858 года.

Онъ отличался изумительной энергіей, поразительной смѣлостью, большимъ умомъ и значительными военными способностями. Сеславинъ былъ популяренъ и изображался на лубочныхъ картинахъ, какъ народный герой; былъ близокъ и любимъ солдатами, которые говорили про него: „Вотъ нашъ Георгій храбрый на бѣломъ конѣ". Пылкій и увлекающійся въ бою, Сеславинъ имѣлъ доброе сердце и „чувства христіанина"; память его свободна отъ тѣхъ излишнихъ жестокостей, которыми прославились нѣкоторые другіе партизаны.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.)

ALEXANDRE NIKITITCH SÉSLAVINE, 1780—1858, général major, connu comme „audacieux et infatigable" partisan de l'époque de la Guerre Patriotique, était d'une famille noble de Tver, fit ses études au 2e Corps des Cadets et entra au service à l'artillerie de la Garde. En 1800, il fut fait chevalier de l'ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem. Pendant les premières années du siècle, il prit une part continuelle aux guerres de Napoléon et fit campagne sur le Danube: partout il déploya „une valeur et une habileté" peu communes, et, neuf fois blessé, gagna une épée d'or à Heilsberg, St-Vladimir de 4e classe à Friedland et Ste-Anne de 2e classe à Tchaouchkioï, où il fut atteint au bras droit. Mais c'est surtout en 1812 qu'il se rendit célèbre. Aide de camp de Barclay de Tolly, il avait une grande admiration pour ce capitaine, qui l'aimait beaucoup et dont le successeur Koutouzoff sut aussi l'apprécier à sa valeur. A Borodino, il déploya une bravoure extraordinaire et reçut St-Georges de 4e classe. Après l'occupation de Moscou par les Français, il reçut le commandement d'un détachement de partisans „chargé de détruire les transports de vivres et de munitions de l'armée française" et d'opérer sur les routes de Borowsk et de Smolensk. Le grand mérite de Séslavine en 1812 fut d'avoir été le premier à s'apercevoir du mouvement de Napoléon sur Kalouga et d'avoir prévenu Koutouzoff, ce qui permit d'écraser l'ennemi à Malo-Yaroslavetz. Lui-même se rendait bien compte de l'influence considérable qui devait en résulter sur la marche ultérieure des opérations, et il aimait à en parler. Il occupa ensuite Viazma, puis Borissoff, après quoi il ouvrit la communication entre les armées de Tchitchagoff et de Wittgenstein, ce qui lui valut le grade d'aide de camp de Sa Majesté. Le 29 novembre, il entra à Vilna, mais là il fut grièvement atteint d'un projectile qui lui fracassa le bras. Ce ne fut qu'à la campagne de 1814 qu'il rentra en ligne à la tête d'un détachement de partisans avec lequel il opéra en France et coupa Paris de ses communications.

Les guerres de Napoléon terminées, Séslavine passa quelques années à l'étranger pour se remettre de ses blessures. Là il conçut en 1819 son projet de reconnaissance de l'Inde en vue d'établir s'il serait possible à la Russie „de porter ses armes dans les possessions des Anglais aux Indes Orientales pour les exterminer et les chasser", projet qu'il communiqua au comte P. Tolstoï.

De retour en Russie, il donna sa démission pour se retirer à Essémovo, sa propriété du gouvernement de Tver, où il passa les longues années qui lui restaient à vivre. D'un amour-propre démesuré, il se trouvait méconnu et mal récompensé, et se fit presque ermite: il devint d'une humeur insociable et morose. Plongé dans les livres, il rappelait incessamment la glorieuse époque qu'il avait traversée; critiquant Mikhaïlowsky-Danilewsky, il composa des fragments de Mémoires, où il se montre tout entier dans le passé et rempli de pessimisme à l'égard du présent et de l'avenir.

Séslavine mourut à 78 ans, en avril 1858. Il se distinguait par une énergie surprenante, une audace extraordinaire, une grande intelligence et des talents militaires considérables. Il jouissait d'une vogue prononcée et fut un des héros préférés de l'imagerie populaire; il était familier de ses hommes, qui l'aimaient et disaient de lui: „Voilà notre brave Saint-Georges sur son cheval blanc". Ardent et enthousiaste au feu, il avait un bon cœur et „des sentiments de chrétien"; sa mémoire est pure des cruautés inutiles par lesquelles se signalèrent d'autres partisans.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Пис: Day, 1823 — Peint par Dawe, 1823

Александръ Никитичъ Сеславинъ, 1784-1858

Alexandre Nikititch Séslavine, 1784-1858

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

48

Баронесса ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА ЧЕРКАСОВА, 1742—1819, и сестра ея, княжна ЕВДОКІЯ МИХАЙЛОВНА БѢЛОСЕЛЬСКАЯ, 1745—1824. Баронесса Елизавета Михайловна Черкасова, вторая дочь князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго (р. 1702 г., † 1755 г.), отъ второго брака его съ графиней Наталіей Григорьевной Чернышевой (р. 1711 г., † 1760 г.), была фрейлиной Екатерины II. Вышла замужъ за вице-адмирала, отъ флота генералъ-кригсъ-комиссара, барона Ивана Ивановича Черкасова (р. 1732 г., † 1811 г.). Бракъ былъ бездѣтный; умерла она 15 Февраля 1819 года.

Княжна Евдокія Михайловна, младшая сестра предыдущей, родилась 5 Октября 1745 года; 5 Октября 1773 г. она взята была ко двору невѣсты Великаго Князя Павла Петровича, Великой Княгини Наталіи Алексѣевны, во фрейлины и вскорѣ снискала не только довѣріе, но и дружбу ея, а послѣ смерти Наталіи Алексѣевны, въ 1776 г., была пожалована Екатериной II во фрейлины Высочайшаго двора. Въ замужествѣ была за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Василіемъ Петровичемъ Салтыковымъ († 1807 г.), отъ котораго имѣла двоихъ сыновей, Сергѣя и Михаила. Скончалась Е. М. Салтыкова 31 Августа 1824 года; похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежащаго князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, въ С.-Петербургѣ.)

48

La baronne ÉLISABETH MIKHAÏLOWNA TCHERKASSOFF, 1742—1819, et sa sœur, la princesse EUDOXIE MIKHAÏLOWNA BÉLOSSELSKY, 1745—1824. La baronne Elisabeth Mikhaïlowna Tcherkassoff, seconde fille du prince Michel Andréewitch Bélosselsky (1702—1755) et de sa seconde femme Natalie Grigoriewna, née comtesse Tchernycheff (1711—1760), fut demoiselle d'honneur de Catherine II. Elle épousa le baron Ivan Ivanowitch Tcherkassoff (1732—1811), vice-amiral et commissaire général de la marine. Elle n'eut pas d'enfants et mourut le 15 février 1819.

La princesse Eudoxie Mikhaïlowna, sœur cadette de la précédente, naquit le 5 octobre 1745. Elle devint le 5 octobre 1773 demoiselle d'honneur à la Cour de la fiancée du Grand-Duc Paul Pétrowitch, la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, dont elle se concilia bientôt non seulement la confiance, mais encore l'amitié, et à la mort de laquelle, en 1776, elle fut faite demoiselle d'honneur de Catherine II. Elle épousa le conseiller privé actuel Basile Pétrowitch Saltykoff (┼ 1807), dont elle eut deux fils, Serge et Michel. Elle mourut le 31 août 1824, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare.

(D'après un original appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

Княжны Елизавета, 1742-1819, и Евдокія, 1745-1824, Михайловны Бѣлосельскія

Les Princesses Elisabeth, 1742-1819, et Eudoxie, 1745-1824, Bélosselsky

Графиня АГРАФЕНА АЛЕКСАНДРОВНА РИБОПЬЕРЪ, 1755—1812, дочь извѣстнаго сподвижника Екатерины, генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова отъ брака его съ княжной Анастасіей Степановной Козловской, родилась 17 Февраля 1755 года. По полученіи извѣстія о смерти отца ея, скончавшагося въ Бугульмѣ, при преслѣдованіи Пугачева, въ 1774 году, она была взята Императрицей Екатериной во фрейлины. Въ это время комплектъ фрейлинъ состоялъ всего изъ 12 дѣвицъ, обязанныхъ жить во дворцѣ и поочередно дежурить при Императрицѣ. Но, во вниманіе къ овдовѣвшей ея матери, объявившей, что хотя пожалованіе ея дочери во фрейлины она считаетъ величайшею честью для всего своего рода, но не можетъ рѣшиться на разлуку съ нею, Екатерина позволила ей жить дома, что явилось первымъ примѣромъ такого рода. Это не мѣшало молодой Бибиковой дежурить съ величайшей аккуратностью, такъ что даже во время сильнаго наводненія, затопившаго Петербургъ въ 1777 г., она отправилась, несмотря на опасность, въ лодкѣ на дежурство во дворецъ. Будучи очень привлекательной наружности, она имѣла большой успѣхъ въ свѣтѣ и одно время была сильно увлечена графомъ Ангальтомъ, но вышла, въ 1778 году, замужъ за молодого и красиваго адъютанта Потемкина, Ивана Степановича Рибопьера. Бракъ этотъ былъ встрѣченъ съ неудовольствіемъ матерью ея и всей вообще родней, относившимися съ предубѣжденіемъ къ молодому иностранцу, котораго считали совершенно ошибочно чуть-ли не авантюристомъ и при томъ сомнительнаго происхожденія. Близость Рибопьера къ фавориту А. М. Дмитріеву-Мамонову и родство его жены съ княжной Д. Ѳ. Щербатовой заставили молодыхъ Рибопьеровъ принимать близкое участіе въ любовной интригѣ фаворита, долгое время тщательно скрываемой отъ Государыни; свиданія его съ княжною Щербатовой происходили у Рибопьеровъ, и послѣ свадьбы Мамонова Екатерина, до сего времени благоволившая къ нимъ, съ горечью ихъ обвиняла въ неблагодарности. „Я знаю, кто предатели“, сказала она Зотову: „Рибопьеръ и его жена устроили эту свадьбу. Они безсовѣстно надо мной подшутили“. Но уже въ слѣдующемъ, 1790 году, Рибопьеръ отправился въ армію Потемкина, убитъ былъ при штурмѣ Измаила, и Екатерина, нѣжно полюбившая его малолѣтняго сына и часто съ нимъ забавлявшаяся, вернула свое расположеніе и Аграфенѣ Александровнѣ. Она послала ей, черезъ сына, приглашеніе на малое собраніе въ Эрмитажѣ, считавшееся въ то время величайшею честью, за которую г-жа Рибопьеръ въ слѣдующее же воскресенье отправилась снова во дворецъ благодарить Государыню, какъ было принято послѣ полученія Высочайшей милости.

Оставшись вдовою, съ тремя дочерьми и сыномъ, А. А. Рибопьеръ продолжала жить въ купленномъ еще при жизни мужа домѣ герцога Виртембергскаго, на Моховой, и вела открытый образъ жизни, принимая съ особеннымъ радушіемъ иностранныхъ дипломатовъ, между которыми Сегюръ и Кобенцель были ея ежедневными посѣтителями. Но въ концѣ царствованія Павла она снова, со всѣмъ семействомъ, подверглась опалѣ при Дворѣ послѣ дуэли ея сына съ княземъ Борисомъ Антоновичемъ Святополкъ-Четвертинскимъ. Молодой Рибопьеръ былъ разжалованъ и заключенъ въ крѣпость, а Аграфена Александровна съ дочерьми выслана изъ Петербурга и отдана подъ надзоръ полиціи, а домъ ея и имущество были конфискованы. Рѣшивъ скрыть свою ссылку отъ арестованнаго сына, чтобы не увеличивать его безпокойства, она передъ выѣздомъ изъ Петербурга оставила много писемъ съ адресомъ на его имя, писаннымъ ея рукою, при которыхъ поручила посылать ему съѣстные припасы. Въ самый день восшествія на престолъ Александра Павловича за нею былъ посланъ курьеръ, и она вернулась въ Петербургъ, не успѣвъ доѣхать до имѣнія, назначеннаго ей мѣстомъ изгнанія.

Аграфена Александровна Рибопьеръ скончалась 23 Іюня 1812 года и погребена на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Она оставила трехъ дочерей: Анастасію, Елизавету и Екатерину, и сына, впослѣдствіи графа, Александра Ивановича Рибопьера (р. 1781 г., † 1865 г.).

(Съ портрета, приписываемаго Ротари; собственность графа Г. И. Рибопьера, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse AGRIPPINE ALEXANDROWNA RIBEAUPIERRE, 1755—1812, fille du célèbre compagnon d'armes de Catherine, le général en chef Alexandre Ilyitch Bibikoff, et d'Anastasie Stépanowna, née princesse Kozlowsky, naquit le 17 février 1755. A la nouvelle de la mort de son père, décédé à Bougoulm en 1774 en poursuivant Pougatcheff, l'Impératrice Catherine la prit au nombre de ses demoiselles d'honneur. Il y en avait à cette époque douze en tout, et qui devaient habiter au Palais, pour être de service à tour de rôle près de l'Impératrice. Mais, par attention pour sa mère, qui, devenue veuve, déclara ne pouvoir se séparer d'elle, fallût-il renoncer à l'honneur considérable auquel elle était sensible pour tous les siens, Catherine l'autorisa à habiter dans sa famille: c'était le premier exemple d'une telle faveur. Cela n'empêcha pas la jeune fille de remplir ses fonctions avec la plus parfaite exactitude: lors même de la grande inondation qui submergea Pétersbourg en 1777, elle ne craignit pas d'affronter le danger pour aller en barque faire son service au Palais. Charmante de sa personne, elle eut un grand succès dans le monde, et se prit même un moment d'une vive passion pour le comte d'Anhalt, mais épousa en 1778 un jeune et bel aide de camp de Potemkine, Ivan Stépanowitch Ribeaupierre. Cette union excita le mécontentement de sa mère et de toute sa famille, qui, prévenue contre le jeune étranger, le considérait comme un aventurier, et de naissance douteuse. L'intimité de Ribeaupierre avec le favori Dmitrieff-Mamonoff et la parenté de sa femme avec la princesse Chtcherbatoff engagea à fond les jeunes époux dans l'intrigue amoureuse du favori, tenue longtemps et soigneusement secrète à l'Impératrice: c'est chez eux qu'avaient lieu les entrevues de Mamonoff et de la princesse, après le mariage desquels Catherine, jusqu'alors bien disposée à l'égard des Ribeaupierre, se mit à leur reprocher amèrement leur ingratitude. „Je connais les traîtres", dit-elle à Zotoff: „ce sont Ribeaupierre et sa femme qui ont fait le mariage. Ils m'ont indignement jouée". Mais dès l'année suivante, en 1790, Ribeaupierre alla à l'armée de Potemkine, où il périt à l'assaut d'Ismaïl, et Catherine, qui avait pris son petit garçon en amitié et jouait souvent avec lui, rendit également sa faveur à la mère: elle lui fit remettre par l'enfant une invitation à une petite réunion de l'Ermitage, ce qui était alors un honneur extrême, dont Mme Ribeaupierre revint le dimanche suivant au Palais remercier l'Impératrice, comme il était de rigueur après une grâce de Sa Majesté.

Restée veuve avec trois filles et un fils, Mme Ribeaupierre continua à habiter à la Mokhovaïa la maison du duc de Wurtemberg qu'elle avait achetée du vivant de son mari, où elle tenait table ouverte et réservait un accueil particulièrement chaleureux aux diplomates étrangers, entre autres Ségur et Cobentzel, qui venaient tous les jours. Mais à la fin du règne de Paul, elle retomba en disgrâce avec toute sa famille à la suite du duel de son fils avec le prince Boris Antonowitch Sviatopolk-Tchetvertinsky. Son fils fut destitué et interné dans une forteresse; quant à elle, chassée de Pétersbourg avec ses filles et soumise à la surveillance de la police, elle eut sa maison et ses biens confisqués. Elle résolut, pour épargner à son fils détenu un surcroît d'inquiétude, de lui cacher sa relégation, et laissa, avant de quitter Pétersbourg, une provision de lettres à son adresse, écrites de sa main, pour lui être remises en même temps que des envois de vivres. Mais un courrier envoyé après elle le jour même de l'avènement d'Alexandre Ier la fit revenir à Pétersbourg sans avoir eu le temps d'arriver à la résidence qui lui était assignée.

Mme Ribeaupierre mourut le 23 juin 1812 et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Elle laissa trois filles, Anastasie, Elisabeth et Catherine, et un fils, Alexandre (1781—1865), dans la suite comte.

(D'après un original attribué à Rotary et appartenant au comte G. Ribeaupierre, St-Pétersbourg.)

Пис Ротари — Peint par Rotary

Аграфена Александровна Рибопьеръ, 1755 1812

Agrippine Alexandrowna Ribeaupierre. 1755 1812

Эксцед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

50

Графиня МАРІЯ ФЕДОРОВНА ЗУБОВА, 1773—1810, дочь генералъ-поручика князя Каспара Федоровича Любомірскаго, родилась 16 Іюля 1773 г. и въ молодыхъ годахъ вышла замужъ за графа Прота Потоцкаго, по смерти котораго вскорѣ сдѣлалась женой графа Валеріана Александровича Зубова (р. 28 Ноября 1771 г., † 21 Іюня 1804 г.), красавца, окруженнаго къ тому же ореоломъ героя, которому ядро ея соотечественниковъ оторвало ногу. Отъ этого брака у ней былъ сынъ Платонъ, умершій въ дѣтствѣ.

Графъ В. А. Зубовъ умеръ въ 1804 г., и она, 31 года, вторично овдовѣла. Въ 3-й разъ она была замужемъ за генералъ-адъютантомъ, шефомъ Кавалергардскаго полка Федоромъ Петровичемъ Уваровымъ, весьма близкимъ человѣкомъ къ Императору Александру Павловичу; третьему мужу, который ее пережилъ, она оставила большое состояніе, полученное ею отъ отца и перваго мужа, а именно обширныя имѣнія въ Волынской губерніи. Умерла М. Ф. Уварова 15 Марта 1810 г. и погребена въ Троице-Сергіевой пустыни, близъ Петербурга, около родовой усыпальницы Зубовыхъ; на памятникѣ ея стоитъ мраморный ея бюстъ.

Легкомысленная полька, графиня Зубова отличалась веселымъ характеромъ и блистала красотой; еще въ 1803 г., по словамъ С. Н. Марина, въ Петербургѣ ѣздили смотрѣть, гдѣ, какъ, напримѣръ, у Кутайсовыхъ, танцовала она „шаль". Въ послѣдніе годы жизни она была разбита параличомъ.

Ф. П. Уваровъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи 1824 г. помѣстилъ такой пунктъ: „Портреты покойной моей супруги оставляю: писанный Тончи—графинѣ Калиновской, а писанный madame Le-Brun—княгинѣ Елизаветѣ Адамовнѣ Гагариной". Гдѣ находится въ настоящее время первый изъ нихъ—намъ неизвѣстно, снимокъ же со второго прилагается здѣсь, въ видѣ геліогравюры. Г-жа Виже-Лебренъ, въ своихъ запискахъ такъ говоритъ объ этомъ портретѣ, писанномъ ею въ Петербургѣ, въ 1795 году: „La comtesse Potocka, en pied, couchée sur un très grand divan, tenant une colombe sur son sein; cette comtesse est une des plus jolies femmes que j'aie peintes".

(Съ портрета Виже-Лебренъ, 1795 г.; собственность княгини В. Ѳ. Гагариной, С.-Петербургъ.)

50

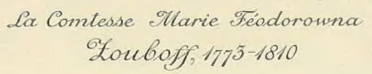
La comtesse MARIE FÉODOROWNA ZOUBOFF, 1773—1810, fille du prince Gaspard Lubomirsky, général lieutenant, née le 16 juillet 1773, épousa toute jeune le comte Prote Potocki, à la mort duquel elle se remaria bientôt au comte Valérien Alexandrowitch Zouboff (28 novembre 1771—21 juin 1804), connu comme bel homme et couronné de plus d'une auréole de héros pour avoir eu la jambe emportée par un boulet parti des rangs des compatriotes de sa future femme. Elle eut de ce mariage un fils Platon, mort enfant.

Le comte Valérien Zouboff mort en 1804, elle se retrouva veuve à 31 ans. Elle épousa en troisièmes noces Théodore Pétrowitch Ouvaroff, général lieutenant, chef du régiment des Chevaliers-Gardes et intime d'Alexandre Ier, et lui laissa en mourant la grosse fortune qu'elle tenait de son père et de son premier mari, et qui consistait en terres considérables en Volhynie. Elle mourut le 15 mars 1810 et fut inhumée au monastère St-Serge, près Pétersbourg; sa tombe, située non loin du caveau de la famille Zouboff, est ornée de son buste en marbre.

Frivole polonaise, la comtesse Zouboff était d'un caractère gai et d'une grande beauté; encore en 1803, au témoignage de Marine, les pétersbourgeois allaient la voir chez les Koutaïssoff, par exemple, danser la danse du châle. Dans ses dernières années, elle fut frappée de paralysie.

Th. Ouvaroff mit en 1824 la clause suivante dans son testament: „Je lègue les portraits de ma défunte femme: celui de Tonci à la comtesse Kalinowsky, et celui de Madame Le-Brun à la princesse Elisabeth Adamowna Gagarine“. Le sort du premier nous est inconnu; le second est celui dont nous donnons ci-joint une reproduction en héliogravure. Mme Vigée-Lebrun, dans ses Mémoires, dit de ce portrait, qu'elle fit à Pétersbourg en 1795: „La comtesse Potocka, en pied, couchée sur un très grand divan, tenant une colombe sur son sein; cette comtesse est une des plus jolies femmes que j'aie peintes“.

(D'après un original de Vigée-Lebrun, 1795, appartenant à la princesse V. Gagarine, St-Pétersbourg.)

Пис: Виже-Лебрень

Графиня Марія Федоровна
Зубова, 1773-1810

Peint par Vigée Lebrun

La Comtesse Marie Féodorowna
Zouboff, 1773-1810

2007088108